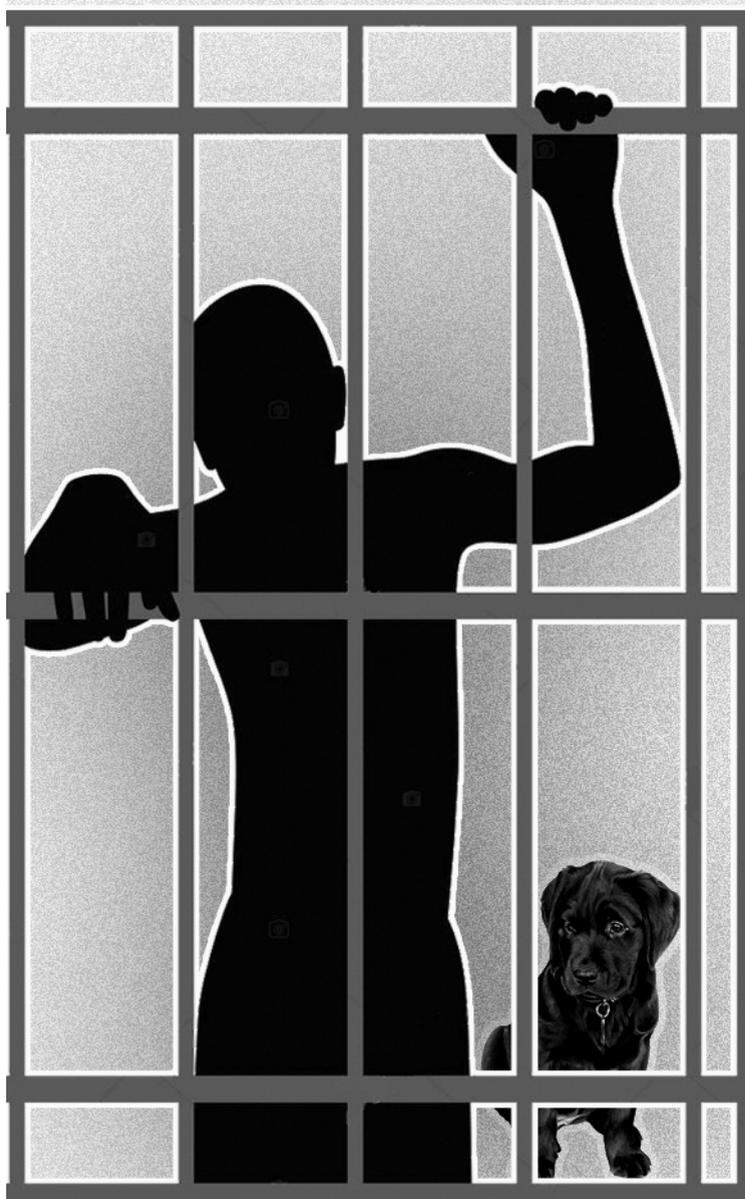

Антон ШУШАРИН

г. Архангельск

ЩЕЛКНИ

повесть

Прижавшись ухом к двери, Илья Картошин стоял у кабинета начальника воспитательной колонии. Внутри о чём-то спорили, но слов было не разобрать. Вдруг щёлкнул замок, Илюха отскочил в сторону и с испугом посмотрел на показавшегося в проёме капитана — высокого, мощного.

— Картошин, ты готов? — сотрудник строго смотрел на оробевшего мальчишку.

— Да, Саныч, — выдохнул он.

— Я тебе! — погрозил пудовым кулаком капитан. — Не Саныч, а Михаил Александрович.

Справившись с волнением, Илюха щёлкнул каблучками и гаркнул:

— Так точно, Михаил Александрович, самый лучший начальник отряда! — он снизу вверх глядел на офицера.

— Шут гороховый, — покачал головой капитан. — Заходи, Картошин.

Илья сделал два шага вперёд и остановился, растерянно оглядываясь. От обилия больших и маленьких звёзд на погонах сотрудников администрации у него рябило в глазах. Илюха испуганно заморгал.

— Чего притих? — стоящий рядом начальник отряда хлопнул Картошина по спине. — Осуждённый, представьтесь учебно-воспитательному совету.

— Я, Картошин Илья Владимирович, воспитанник воспитательной колонии, прибыл на учебно-воспитательный совет для решения вопроса о моём переводе в реабилитационный центр, находящийся за пределами колонии.

— Год рождения, статья, срок, начало и конец срока, — подсказал Михаил Александрович.

Картошин чертыхнулся, вызвав улыбки у членов совета, и доложил как положено.

— Товарищ подполковник, товарищи офицеры, — начал доклад начальник отряда. — Разрешите доложить. Буду краток.

Начальник колонии кивнул.

— Воспитанник Картошин находится в колонии год и один месяц. Местный, прибыл из следственного изолятора, где нарушений, равно как и взысканий, не имел. По прибытии был распределён в мой отряд. Конфликтных ситуаций ни с сотрудниками, ни с осуждёнными не было. За период отбывания наказания неоднократно поощрялся за добросовест-

ный труд, примерное поведение и учёбу. В настоящий момент обучается в девятом классе. Состоит в льготных условиях отбывания наказания. Срок условно-досрочного освобождения подошёл, но воспитанник желает окончить девятый класс в колонии и получить аттестат. Имеет профессии цветовода, повара. Считаю целесообразным для подготовки к освобождению перевести Картошина в реабилитационный центр.

— Статья-то у тебя какая? — переспросил начальник отдела режима.

— Сто пятьдесят восьмая, — ожидая подвоха, покосился на сотрудника Илья.

— Что украл?

— Мы по дачам лазали.

Оперуполномоченный, прищурившись, смотрел на Картошина:

— Чем в реабилитационном центре заниматься будешь? Запреты в зону таскать? Или сигареты в колонию загонять?

Ох как не любил этот взгляд Илья! Въедливый опер вызывал ужас у воспитанников, он всегда всё про всех знал, шантажировал, угрожал, подкупал — держал зону на крючке. Больше Илюха боялся только Михаила Александровича: тот узнавал обо всём ещё раньше.

— Работать буду, снег чистить... — начал перечислять Картошин, для убедительности загибая пальцы. Начальник колонии усмехнулся. — Потом, когда сойдёт снег, грязь заметать, цветы садить, заборы красить... Траву косить умею. Я цветовод... В цветах разбираюсь...

— Повторяться начал, — перебил зам по тылу. — Ты этим и в зоне можешь заниматься. Тем более ты трудоустроен инструментальщиком — и лопата, и метла всегда под рукой.

— Поверь, — вставил заместитель по воспитательной работе, — лопату и метлу я ему найду, если он под мою юрисдикцию попадёт.

— Ну, а что? — густо покраснев, заторопился Илья. — Я в центр хочу. Я старался, всю зиму трудился. На УДО не пишу... Хочу школу тут окончить, чтобы на свободе сразу на специальность пойти учиться. У меня отец — водитель автобуса, я к нему потом — кондуктором...

Мальчишка замолчал, тяжело дыша, уставился глазами в пол. Начальник отряда покачал головой на бычьей шее.

— Довели Илюшеньку, — возмутилась начальница психологической лаборатории. — Чего издеваетесь над парнем? Скажите ему, что переведёте в центр, и пойдём на обед.

Сердце Илюхи подпрыгнуло и замерло.

— Ты сколько уже у нас гостишь? — спросил начальник колонии.

— Год и месяц.

— А осталось?

— Одиннадцать месяцев.

— Когда на условно-досрочное освобождение будете писать, Михаил Александрович? — перевёл взгляд начальник колонии на отрядника.

— Если не накосячит, то в августе напишем, в сентябре уйдёт домой.

— Так, — начальник подмигнул Картошину. — Сейчас март, получается... пять месяцев. А оставит неотбытыми, получается, шесть месяцев. А отсидит, значит, полтора... На пять месяцев переводить... Освободиться будет в сентябре... У нас самый листопад, подготовка к зиме. Может, до декабря посидишь?

Картошин заморгал глазами.

— Мнение учебно-воспитательного совета? — начальник посмотрел на зама по оперативной работе.

— Поддерживаю Картошина. Хороший парень, по нашей линии к нему вопросов нет.

Опер и начальник отдела режима молча кивнули.

— Пусть идёт, — пожал плечами замполтыл. — Работы за зоной навалом, сидеть без дела не дадим.

— А вот не надо на чужое роток раскрывать, Андрей Григорьевич, — возразил зам по воспитательной работе. — Парнишка в моё подчинение переходит, ему некогда будет вашими делишками заниматься. У вас свои рабочие имеются, с колонии-поселения привозят.

— Я уважаю ваши годы, товарищ полковник...

— Николай Иванович, Андрей Григорьевич, — замахал руками начальник колонии, — сами между собой разберётесь потом.

— Виноват, Александр Иванович.

— Я поддерживаю, если что, — вставила психолог. — Тем более он повар. У нас с Николаем Ивановичем кабинеты в реабилитационном центре, так что я поддерживаю.

– Школа?

– Пусть идёт хлопец, – кивнул директор. – Уважаю его. Парень свободой ради учёбы жертвует, на условно-досрочное не пишет, хотя может! Вот мы его в центр отправим. Компромисс, так сказать.

– Я тоже за, – поддержал директор училища. – Никогда замечаний к Илье не было. Кстати, повар он хороший, Кристина Викторовна. Причём замечу: повар! Не кондитер и не пекарь!

– А я сладкое и печёное не ем, – парировала психолог.

Илюха слушал, и на душе становилось легче. Шутят – значит, всё решено, просто пугают.

– Воспитанник Картошин, – обратился к нему начальник колонии. Повисла тишина. – Как положительно характеризующийся, для подготовки к освобождению вы будете переведены в реабилитационный центр...

– Фу-у-у! – вырвалось у Картошина.

– ...А на УДО – в декабре, – на полном серьёзе закончил начальник.

– Ну, Александр Иванович!.. – недоумённо смотрел на него Илюха.

– Шутит Александр Иванович, – начальник отряда развернул Картошина и выставил за дверь.

Илья вышел. Постоял в растерянности в коридоре и толкнул дверь на улицу.

Учебно-воспитательный совет проходил на первом этаже дежурной части – двухэтажного здания в самом центре колонии. Картошин присел на ступеньки крыльца и, словно первый раз, огляделся по сторонам.

Напротив дежурки стояло здание первого отряда. Дом справа от него – второй отряд. Там, на втором этаже, в комнате номер семь у окна, которое выходит на дежурную часть, его кровать.

Воспитательная колония совсем маленькая. Она рассчитана на одновременное проживание не более ста осужденных. На территории жилой зоны располагаются два отряда, школа, столовая, дежурка. Есть ещё большое футбольное поле, спортивный уголок с турниками и брусками, маленькая часовня и баня, в которую сидельцы ходят мыться по субботам.

В промышленной зоне – профессиональное училище. Там учат на повара, пекаря, кондитера, автослесаря, овощевода. Распорядок дня

простой: в семь утра подъём, заправка коек, потом зарядка и завтрак, потом приборка в комнатах и проверка наличия осуждённых. С девяти до четырнадцати часов – учёба в школе, потом обед. С половины третьего до семи вечера – училище, потом ужин. С половины девятого вечерняя уборка и в двадцать два часа отбой. Главное в зоне – режим, ему подчиняются все: и осуждённые, и сотрудники.

Картошин посмотрел выше запретки и забора – на красную крышу штаба. Скоро он выйдет за зону, будет жить в кукольном домике реабилитационного центра – считай что на свободе.

Илюха поёжился: то ли зелёная зимняя куртка не грела, то ли мурашки бежали по коже от предстоящих перемен.

– Чё, Картоха, – начальник отряда неслышно появился за спиной воспитанника, – мечтаешь о ребике?

– Мечтаю, Михаил Александрович.

– Ну, мечтай, – капитан спустился по лестнице вниз и натянул шапку на глаза Илюхе. – Цени доверие, которое тебе оказал начальник. В зоне девяносто человек сидит, а в ребике – только двое, ты будешь третий.

– Я ценю, – заверил Картошин.

– Молодец, – начальник отряда, придержав форменную шапку, запрокинул голову. По бирюзовому, словно вымытому, небу бежали редкие облака. С крыш капала вода, пахло мокрым снегом и сырой землёй. – Жарко. Скорей бы на летнюю форму перейти... – вздохнул Михаил Александрович.

– Смотри, Саныч, какие облака, – кивнул на небо Илюха. – Таких зимой не бывает, только весной и летом. Пухлые летние облака!

– Жарко... – помолчав, повторил воспитатель.

– Ещё схолодает, – поёжился Картошин. – А в кабинете сначала меня вообще мороз пробрал.

– В отряд пошли, – Михаил Александрович поморщился и зашагал вперёд.

Картошин поспешил следом. Со второго этажа из комнаты оперативного дежурного на парочку смотрели начальник колонии и зам по оперативной работе.

– Думаешь, не зря, Николай Сергеевич? – спросил Александр Иванович. – Уж очень этот Картошин мелкий. Метр с кепкой. Толку от него будет чуть.

— Дело не в том, сколько будет с него толку, — главный опер зоны проводил взглядом широкоплечую мощную фигуру капитана и семяющего рядом Картошина в большой, не по размеру, куртке и здоровенных ботинках. — Во-первых, парень заслужил, а во-вторых, кто-то же должен быть третьим...

— Это да, — начальник усмехнулся.

— А других кандидатур у нас нет. Парням с характером за зоной делать нечего. Там нужны исполнительные, не задающие вопросов работяги. Да и тема тут одна наклеивается. Потом расскажу...

* * *

У решётки входа в локальный участок второго отряда толпился народ. Воспитанники хотели знать, каков результат учебно-воспитательного совета.

— Ну что, Картоха, — издали кричал рыжий Виталик, — прошёл?

Илюха молчал.

— Картопля, что?

— Что ты молчишь, гад?

— Да прошёл! — не выдержал начальник отряда. Он остановился, открыл массивным ключом калитку локального участка, пропустил вперёд себя Илью. — Скоро Картошин уйдёт от нас. Будет потом какашками в вас кидаться через забор.

— Мы сами его!.. — загалдели воспитанники.

— Мы ему устроим отвальную! Вымажем с головы до ног!

— Неприемлемо, — важно покачал головой Картошин и тут же получил затрещину. Он крутанулся вокруг своей оси, но не нашёл предателя. — Э! Зашибу!

Пацаны толпой потащили Илюху в чайную, чтобы расспросить, что да как, а начальник отряда пошёл к себе в кабинет.

— Ну, рассказывай! — пацаны усадили Картошина на лавку к столу и столпились вокруг.

— Дайте чаю налить сначала, — важничал Илюха.

— На — мой, — протянул ему кружку сидевший напротив пацан.

— А печеньку?

— А ничего не треснет?

— Картоша-а-а! — торопил его рыжий Виталик, подельник Илюхи.

— Короче... — сложив губы трубочкой, Картошин с присвистом потянул из кружки горячий чай. — Захожу я в кабинет, а там — все!

— Все? — переспросил глазастый мальчишка Серёга, ещё больше округлив глаза.

— Вообще все! Опер, замы, директора, психолог...

— А начальник? — перебил Серёга.

— Ясен красен, куда без него!

— Дальше давай!

— Ну, я захожу, такой... — продолжил Илья.

— Представился. Саныч как давай меня хвалить! Парень вообще красавчик, говорит...

— Ври больше! — не поверил Виталик.

— Клянусь! — Илюха сунул в рот печеньку. — Потом замполит говорит: мол, такого работника с удовольствием возьму. Они с замполитом даже разругались из-за меня!

— Во врёт! — восхитился облокотившийся на холодильник Степан. — Писатель!

— А начальник говорит: «Может, на условно-досрочное лучше, Илья?» А я — ему: «Нет, Александр Иванович, я образование хочу получить!»

— Картоха, — в чайную заглянул худощавый, недавно прибывший пацан, — тебя Толстый зовёт!

Пацаны притихли. Картошин допил чай, встал из-за стола и пошёл на второй этаж в комнату номер восемь, где жил старший и самый «главный» в лагере воспитанник — Илюха Толстый.

Картошин постучался в дверь, дождался разрешения и зашёл. На табурете посередине комнаты, широко расставив ноги, сидел старший. На самом деле теперь толстым он не был. Кличка досталась ему с той поры, когда он только прибыл в отряд. Режим и постоянные тренировки со временем сделали из толстячка массивного, широкоплечего здоровяка, а незаурядный ум, воля и характер позволили стать старшим среди юных сидельцев. Толстый отвечал за все «движухи» в зоне.

Поставить ли брагу в столовой, набить ли наколку, сыграть в карты, «затянуть» сигареты или «пресечь»¹ кого-то — все эти вопросы ре-

шались только по согласованию с Толстым. Каждый арестант должен был заручиться разрешением старшего, которого пацаны между собой называли «смотряга».

— Здорово, малой, — кивнул Толстый. — Заходи, присаживайся.

В комнате вместе со смотрягой находились старшаки Димас, Паша и Олег.

Картошин сел на предложенный табурет.

— Рассказывай, тёзка.

— Начальник сказал, что скоро выведут, — пожал плечами Илюха.

— А ты знаешь, что в ребике тебе туалеты мыть придётся? За сотрудниками мусор выносить?.. Машины им мыть?..

— Ну, машины-то мыть... — проямлил Картошин.

— Получается, что ты ни разу не порядочный арестант, — намекнул вставший рядом Паша.

— Получается, вопрос за тебя надо поднимать.

— Какой ещё вопрос? — вспыхнул Картоха. — Я понятий не придерживаюсь и к освобождению стремлюсь!

— Сядь на место! — рявкнул Толстый.

Вскочивший было Картошин присел на табурет, испуганно вертя головой.

— Это лагерь, малой, тут свои законы. Если человек за кем бы то ни было мусор выносит и туалеты моет, он порядочным пацаном сидеть не должен. Верно?

Толстый перевёл взгляд на молчавшего Димаса, тот кивнул.

— Чё вы докопались до пацана? — вступился Олег. — Пусть живёт как хочет. Тем более он не в зоне будет, а в ребике.

— Ты-то откуда знаешь, что там творится? — с вызовом посмотрел на смотрягу Картошин и тут же, ойкнув, слетел с табурета на пол.

Паша почесал занывшую от удара ладонь.

— Может, скачуху² дать? — пожал плечами Димас.

— В смысле? — поднял брови Толстый.

— Времена меняются. Спрос — на наше усмотрение: решим — сделаем, а можем ведь и не спрашивать, пощадить.

— А какой резон? — вставил Паша.

— Конечно же, не за просто так, — ответил Димас.

— Предлагай, — кивнул Толстый.

— Может быть, Картоха откупиться захочет? — хитро подмигнув, намекнул Димас. — Чтобы спасти своё доброе пока ещё имя.

— У меня нет денег, — буркнул потиравший горевшую щёку Илья.

— У нас телефон пыхнул, — напомнил Паша. — Связь с лагерями оборвалась. От нас весточки ждуть бродяги — те, что смотрят за малолеткой, а мы молчим. Дела не решаются, общее страдает.

— Вот если бы телефон появился снова!.. — подхватил Димас. — А человеку, суевившемуся за людское, было бы уважение.

Продолжил Паша:

— Тогда за него можно было б сказать: для того, мол, в ребик и рвался, чтобы пацанам помочь. Взясся за уборку, туалеты и мусор, только чтобы зоне связь вернуть.

— Да, такому вечный респект был бы, — кивнул смотряга. — С этого телефона я бы лично на волю отзвонился и сообщил, что мальчонка правильный в ребик попал, что всё у него по жизни ровно.

— Порядочным пацаном сидел бы второй ходкой в лагере, — подтвердил Паша. — Блатным бы считался, уважаемым человеком.

Илюха слушал и не верил своим ушам. А он-то обрадовался, что сумел вырваться из порочного круга воровских понятий малолетки! Выходит, и за зоной до него может дотянуться всесильная рука блатной власти.

— А если он не согласится? — спросил старшаков смотряга. — Или согласится, а выскочив в ребик, забудет про обещание?

— А разве мы до него не сумеем дотянуться? У нас Ваня и Витёк недавно откинулись. Мы им весточку пошлём, они приедут, выцепят пацыка, своими правами определяют. Да мало ли уважаемых пацанов освободится скоро. Даже отзваниваться не надо. Мы им инструкции перед освобождохой дадим.

— Ага, — оживился Паша. — Туалетным ёршиком по щекам нахлопают, на видео снимут и до поры у себя придержат, а потом мы в помещении для воспитательной работы этот видосик всем отрядом и посмотрим.

— Что скажешь, картофельный человек, — тяжёлым взглядом уставился на Илюху смотряга. — Решать тебе, но сейчас.

Картошин затравленно озирался, ища взгля-

дом Олега, но тот отвернулся к окну, не участвуя в разговоре.

— У меня выбора нет, — неуверенно ответил Картоха.

— Выбор всегда есть. Просто у каждого он свой, — нажимал Толстый.

— Вы хотите, чтобы я телефон в зону затянул? — в голосе Ильи слышалось сомнение.

— Для начала, — кивнул смотряга.

— Но мне в зону хода не будет, — попытался сопротивляться Картошин. — Как я вам его передам? К тому же у меня мать пьёт, у отца другая семья. Мне даже денег взять неоткуда.

— Ну, положим, деньги у тебя будут. Тебя на ставку поставят за зоной, будешь примерно тысячу десять получать. Но это не важно. Телефон тебе привезёт наш человек.

— А как же он узнает?.. — удивился Илюха.

— Дурак ты! — постучал ему по голове Паша.

— Мы же посещаем культурно-зрелищные мероприятия в городе!

— В сопровождении сотрудников же!.. — противился Картошин.

Толстый ухмылялся:

— А мы всё по уму делаем, не первый год живём. Первый раз поедем — восточку оставим. Второй раз поедем — товар заберём.

— Два раза подряд не дают ездить, — всё ещё сопротивлялся Илюха.

— Поэтому мы все разом никогда и не ездим, — резонно заметил Димас.

— Короче, это уже детали, — поморщился Толстый. — Ты не о том думаешь, малой. Ты должен думать, как спасти свою задницу, а не о том, как я буду трубку в лагерь загонять. Твоё дело — принять телефон и передать кому... Ну или оставить там, где тебе скажут. Дело нехитрое, палева никакого.

— Экие вы уроды! — обернулся Олег.

— Молчал бы, — парировал Паша. — Хочешь чистеньким остаться?

— Ты предъявляешь, что ли? — вспыхнул Олег.

— Я констатирую! — с вызовом ответил Паша.

— Этот невывозян, когда писает, в унитаз попасть не может, а вы с ним за серьёзное дело базарите! — усмехнулся Олег.

— Базарят бабки на базаре! И ты с ними! — перешёл в атаку Паша.

— Ты чего, Олег, хочешь? — поддержал старшака Димас.

— Определить его и не возлагать надежд, — пожал плечами Олег.

Картошин по-настоящему испугался:

— Я согласен, — торопливо выпалил он. — Если вы мне скажете, что и как сделать, я сделаю. Только не надо меня определять никуда.

— Для начала пятёрку мне сделаешь на этот номер, — Паша протянул Илюхе бумажку с номером телефона.

— Какую пятёрку? — не понял тот.

— Пятёрку денег, — Паша снова замахнулся, но бить не стал.

— У меня же нет!.. — захлопал глазами Картошин. — Я же говорил!

— У пацанов в ребике до зарплаты займёшь, — пожал плечами Паша. — По две с половиной всего. Потом отдашь.

Картошин пришибленно втянул голову в плечи.

— А ты думал, в сказку попал? — прикрикнул Димас. — Думал, раз мы тебя не трогаем, так можно перед ментами стелиться, как уличная чувырла? С утра до вечера он на территории венником машет!.. Ремонтами он занимается с указки отрядника, заявления бегаёт собирает для него по бараку!..

Димас плюнул на пол:

— Думал, мы с тебя не спросим?

— Короче, — прервал Толстый. — Пятёрку сделаешь в течение недели после того, как выйдешь в ребик. Это будет означать, что ты с нами в одной теме, и мы начнём двигаться по телефону. Если денег не будет, мы поймём, что ты соскочил, и поставим на тебе крест. Понял?

Илюха молчал, будто оглушённый.

— Понял? — с напором повторил Толстый.

— Да, — чуть слышно шепнул Картошин.

— Всё. Иди радуйся. Инструкции будешь получать через работающего в зоне мужика, которого с колонии-поселения возят. Его Серёга зовут. Для них менты вагончик поставили рядом с ребиком. Он там обедает. Будешь к нему заходить, получать наши расклады, выполнять и ему докладывать. Понял?

— Да, — кивнул Илюха.

— Попытаешься соскочить, стукануть оперу,

отряднику, начальнику колонии — кому угодно, включая двух твоих корешей в ребике, — мы тебя приговорим. Поверь, я сумею до тебя дотянуться, — в голосе Толстого не было и капли сомнения.

— Иди, малой, — Паша подтолкнул Картошина в спину. — Язык за зубами держи.

Илюха медленно поднялся с табурета и вышел из комнаты.

* * *

— Подъём! — начальник отряда хлопнул ладонью по выключателю. Глаза Илюхе резанул яркий свет. — Встаём, одеваемся, на зарядку выходим!

— Саныч! Погаси свет! — заскулил кто-то.

— Я сейчас погашу вам!.. — Михаил Александрович прошёл по комнате от двери к окну. — Кто опять носки на батарее развесил? Выкину! Будете босиком лётать!

— Это я, — сознался севший на кровати Илюха. — Сейчас уберу.

— Убери! — скомандовал Саныч. — А то никакого ребика тебе сегодня не будет!

— Уже сегодня? — обрадовался заспанный Картошин. — Разыгрываешь, Саныч? Сегодня же первое апреля. Разыгрываешь, да?

— Всё по-честному. Уже сегодня, — подтвердил начальник отряда.

— Так быстро! — лицо Илюхи мигом прояснилось. — Всего пара недель прошла! А когда?

— Когда — я скажу, — отрядник пнул под кровать тапок, оставленный кем-то в проходе между кроватями, и вышел из комнаты.

— Картоша, везёт тебе! — похлопал Илью по плечу сидящий на соседней кровати Витя. — А мне вот ребик не светит, у меня красная полоса за побег.

— Не дано тебе, — важно подтвердил Картошин и с колотящимся от радостного предвкушения сердцем принялся натягивать штаны.

— Просто ты шерсть мусорская! — поставил его на место Эдик. — Будешь туалет за замполитом мыть!

— Сам ты шерсть! — огрызнулся Илюха. — Это ты скоро будешь толканы драить во всём

бараке, а я — в граждане³, в ребике буду с плером в ушах на кровати валяться.

— Пошёл ты! — прошипел Эдик.

Картошин накинул хэбэшную куртку и вышел из комнаты в коридор. С первого этажа доносились крики Михаила Александровича, потом — грохот. Наверно, кто-то замешкался, не выполнив команду «подъём», и был сброшен с кровати. Илюха натянул зимнюю куртку и вышел в локальный участок. С вечера у него была припасена сигарета — прикурил от спички и торопливо сделал несколько глубоких затяжек.

— Картоша, братишка, оставь фасануться! — крикнул спускавшийся с крыльца Ваня.

— Оставлю, — впервые без сожаления кивнул Илья.

Сегодня его выведут в реабилитационный центр за зону, а завтра он спросит разрешения и сходит за сигаретами в магазин, расположенный рядом с колонией.

«Конечно, поначалу будет тяжеловато, — размышлял Илья. — Зато можно ходить в граждане, курить, даже посидеть в чайной с девчонкой, если удастся завести. Пацаны в ребике нормальные».

Толя Рыжий — этот вышел пару месяцев назад, а до ребика сидел в Илюхином отряде. Он там главный — наверно, потому, что самый здоровый: под два метра ростом и кулаки как дыни. Сидит он за убийство; подельник старшака Димаса. Конечно, Толя не такой здоровенный, как Михаил Александрович, но тоже лось ещё тот. А второй — Стёпа-очкарик. Говорят, он у замполита вроде секретаря. Стёпу Илюха знал плохо, но худого о нём ничего не слышал. Сидит, мол, за воровайку — по мелочи и всё. В ребике пацаны вообще живут своим государством, им до колонийских проблем дела нет.

Илья протянул скуренную до половины сигарету Ване и пошёл занимать своё привычное место в строю для утренней зарядки.

— Строимся! — рывкнул Михаил Александрович, сталкивая с крыльца замешкавшихся там пацанов. — На зарядку становись!

Ребята засуетились, выстраиваясь в три шеренги на расстоянии вытянутой руки.

— Напоминаю... — начальник отряда заложил руки за спину и начал прохаживаться

вдоль строя. — Напоминаю, что зарядка проводится для того, чтобы подготовить организм после сна к приёму пищи и нормальному функционированию в течение дня. Сейчас вы ещё спите на ходу, хотя не должны! Так?

Начальник отряда ткнул пальцем в ближайшего воспитанника.

— Так! — качнувшись, отозвался Никита.

— Поэтому упражнения выполнять надо плавно, не торопясь, строго следуя моим инструкциям и под счёт!

— Каждый день одно и то же, — пробубнил себе под нос Серёга.

— Это кто там пукнул? — круто развернулся на каблучках капитан.

— Никто, — взял свои слова назад большеглазый парнишка. — Я просто сказал.

Михаил Александрович подошёл к осуждённому и оглядел его с головы до ног.

— Чего? — дёрнул плечом Серёга.

— Пойми, Серёжа, — обращаясь к мальцу, но имея в виду всех, сказал отрядник, — на зарядку отведено двадцать минут, это факт. Можно все эти двадцать минут махать руками и ногами, а можно стоять и слушать вводный инструктаж. Просто стоять и слушать!

— Да я понял... — начал оправдываться Серёжа.

— Что ты понял?! — натянул ему шапку на глаза воспитатель. — Вот завтра все двадцать минут будете у меня приседать и подпрыгивать, тогда поймёте!

Михаил Александрович грозно оглядел оробевших пацанов.

— Кстати, Картошин, сейчас наведёшь порядок в комнате, потом сделаешь генеральную уборку в отряде и только потом... — выделил Саньч последнее слово, — пойдёшь собирать свои вещи и отправишься в реабилитационный центр.

— А обедать где буду? — робко поинтересовался Илья.

— В центре. Всё, закончили разговоры, первое упражнение — наклоны головы. Исходное положение — ноги на ширине плеч, руки вдоль туловища.

Илюха радостно зажмурился и по команде начал мотать головой под счёт начальника отряда.

* * *

На КПП его сопровождал дежурный помощник начальника колонии.

— Ты не думай, что в сказку попал, — наставлял Картошина пожилой майор. — Тебе там работать за двоих придётся. И режим, и распорядок дня ещё никто не отменял.

— Да знаю я! — отмахнулся Илюха.

— Ты под строгим контролем будешь, не забывай. Давай заходи, — майор открыл дверь и подтолкнул осуждённого в помещение контрольно-пропускного пункта. — Подойди к кормушке.

Картошин подошёл к толстому во всю стену стеклу, начинавшемуся от пояса, и нагнулся к вырезанному полукругу.

— Здравсьте.

— Забор покрасьте, — отозвался полный капитан с той стороны стекла.

— А он сейчас этим и займётся, — пошутил дежурный и уже серьёзно скомандовал Илюхе: — Картошин, представьтесь начальнику караула.

— Я, — начал Илюха, — осуждённый Картошин...

Капитан внимательно выслушал воспитанника, сверил данные с бумагами и нажал какую-то кнопку. Щёлкнул замок, и Картошин, толкнув массивную металлическую дверь, оказался за пределами колонии. Он в нерешительности остановился на крыльце, озираясь по сторонам.

Слева, метрах в двадцати от кирпичного здания штаба, в котором располагалось КПП, — двухэтажная дача, обнесённая невысоким забором. У распахнутой калитки стоял заместитель начальника колонии по воспитательной работе полковник Николай Иванович Соловьёв. Он поманил Картошина к себе, и Илюха, прищурившись от яркого солнца, заторопился к своему новому шефу, поздоровался:

— Здравсьте!

— Забор покрасьте, — уже привычно отозвался замполит. Илюха промолчал. — Как зовут вас, молодой человек?

— Илья, — ответил Картошин и посмотрел на выглядывающих из-за спины начальника Толика и Сёму.

— А вот и нет, — отрезал полковник. — Тебя зовут мелкий оленевод. А это, — не оборачиваясь, он указал на стоящих за спиной пацанов, — толстый оленевод и очкастый оленевод. Сейчас они тебе покажут и расскажут что да как, а потом зайдёшь ко мне в кабинет. Где он, тебе тоже покажут.

Полковник обернулся и глянул поверх очков на улыбающихся во весь рот ребят:

— Оленеводы!

— Да, шеф! — отозвались в один голос.

— Подберите бойцу гражданскую одежду по размеру из подменного фонда, проведите ему экскурсию и вводный инструктаж, а потом — все трое ко мне.

— Есть, товарищ полковник! — грянули пацаны и салютовали замполиту.

— К пустым головам не прикладывают, — строго заметил тот.

— Так точно! — рывкнули оба.

— Оленеводы... — усмехнулся в усы полковник и, отодвинув посторонившегося Картошина, прошёл в штаб.

— Здорово, Картоха! — протянул руку Толя-рыжий.

— Ну, здорово, оленеводы, — ответил на рукопожатие Илья и радостно улыбнулся, в том числе — выглянувшему из-за тучки апрельскому солнцу.

— Пошли, братуха, — обнял его за плечо Рыжий.

Распахнув дверь реабилитационного центра, троица зашла внутрь.

— Здесь, на первом этаже слева, сидят воспитанники, — начал экскурсию Толик. — Прямо — конференц-зал, там проводятся всякие совещания у начальства. Дальше по коридору — туалет, который ты вечером намоешь, а напротив — кабинет психологов, его тоже намоешь. Вообще, за тобой порядок на первом этаже, уяснил?

— Уяснил, — бодро отозвался Картоха.

— Поехали дальше, — пацаны поднялись по лестнице на второй этаж.

Сразу напротив лестницы располагался кабинет полковника Соловьёва. Следующая дверь — столовая, там, как обычно, плита, холодильник, микроволновка, угловой диван и столик с чайником.

— Здесь мы едим. Пайку забираем на КПП,

— пояснил Стёпа-очкарик. — Но баланду мы хаваем редко. Рыжий работает в ларьке, там и отовариваемся. Или бегаем в магаз неподалёку. Нам готовить разрешают.

— А здесь мы живём, — Стёпа толкнул дверь напротив столовой.

Илюха зашёл в маленькую прямоугольную комнату — окном на штаб. С двух сторон у стен стояли застеленные цветастыми одеялами кровати. Между ними — стол. Слева за дверью — шкаф, напротив него ещё одна кровать.

— Тут будешь спать, — указал на неё Рыжий. Илюха снова кивнул. Толя открыл шкаф и кинул на кровать пакет. — Мы тут собрали. Переодевайся, а то на тебя в хэбэшке смотреть больно.

Илья снял «положняковый»⁴ фофан⁵, «хэбэшку» и «чизовские»⁶ ботинки — остался в одних трусах. Вытряхнул из пакета чёрные спортивные штаны, серую толстовку с капюшоном и переоделся. Под кроватью он нашёл ношенные, но в приличном состоянии кроссовки.

— Возьми в шкафу куртку, а на вешалку повесь положняк, — кивнул Стёпа-очкарик.

Илюха сделал, как он сказал, и, одевшись, вопросительно посмотрел на пацанов.

— Другое дело, — хлопнул его по плечу Рыжий. — В правом кармане пачуля с сижками⁷. Это тебе подарок.

— Спасибо, — благодарно посмотрел на оленеводов Картошин.

— Пошли дальше.

Следующим помещением по той же стороне, что и комната, оказалось помещение для воспитательной работы. Там стояли большой плоский телевизор, две ученические парты, аквариум с рыбками.

— Здесь мы учимся и киношки смотрим, — прокомментировал Толя. — А напротив — туалет и душевая. В предбаннике стоит стиральная машинка. Ты себя содержи в чистоте, мы не любим, чтоб воняло. А работа у нас такая, что весь день в мыле бегаешь. К вечеру как от коня несёт, так что изволь стираться каждый день. Сушить тут же на сушилке.

— Вроде всё, — Толя посмотрел на Степана. Тот пожал плечами. — Пошли, чаю попьём, потрещим.

Вся троица прошла в столовую.

— Вот тебе кружка моя старая, — Рыжий протянул Илюхе красную кружку. — У нас тут не зона. Чайку налить мне или Стёпе не запахло. Надо — и тебе нальём. Мы тут понятий не придерживаемся.

Пацаны уселись за стол. Рыжий и очкарик — на угловой диван, а Картошин — на табурет напротив.

— Ну как тебе? — спросил Стёпа.

— Я ещё не понял, — признался Илюха. — Всё как будто не по-настоящему. Я же год с лишним там, за синим забором, топнул. И вот...

— Поначалу у меня так же было, — кивнул Стёпа и пододвинул к Илье тарелку с печеньем. — Угощайся, у нас тут всё общее.

— Что теперь мне делать? — спросил тот.

Стёпа сначала не понял:

— В смысле?

— Ну, как ваш день проходит?

— А, ясно, — первым ответил Толя. — В семь — подъём. Если нормальный сотрудник стоит в ночь, то сразу чай пить идём. Если ненормальный, то сначала — на зарядку. Потом — на территорию снег грести или двор мести. Вообще, чаще всего мы до подъёма ещё встаём, чтобы к семи утра уже порядок перед штабом навести. А так — делаем что скажут. Скажет Усач снег чистить — чистим. Скажет Григорьевич доски таскать — таскаем. Сёма в ларьке и на комнате свиданий помогает, я на складе тыловикам помогаю.

— По приборке — как в зоне, — вставил Степан. — Запомни, что за тобой весь первый этаж, включая туалет сотрудников. В течение дня сам без команды ходишь и проверяешь порядок.

— Курите? — спросил Илюха.

— А то! Курим потихонечку, — кивнул Рыжий.

— Пойдёмте тогда, покурим, что ли? — Картошин встал из-за стола.

Троица вышла на улицу. За зданием реабилитационного центра закурили.

— Зажигалку тебе не даём. Сам купишь или раздобудешь. Ты с воспитателем своим, с Коныховым, вроде на короткой ноге. Вот он тебе и подарит.

Действительно, Картошин был любимчи-

ком старшего лейтенанта Коныхова. Во многом благодаря стараниям этого воспитателя Илью вывели в реабилитационный центр.

Раздался крик:

— Оленеводы!

— О, Иваныч вернулся, — Рыжий торопливо потушил сигарету и негромко скомандовал: — Всё, пошли в кабинет.

— Гражданин полковник, мы уже бежим! — крикнул Стёпа.

* * *

— Пацаны, — прошептал Илюха, перевернувшись с боку на бок на своей кровати, — спите?

— Конечно, — пробурчал Толя. — Время — половина двенадцатого.

— А мне не спится, — признался Картошин.

— Я вообще первую ночь глаз не сомкнул, — отозвался со своего места Стёпа.

— Вот вы скажите, тут лучше, чем в зоне? — Илюха приподнялся на локте на своей кровати.

— Ясен красен! — ответил Рыжий.

— А вы когда на УДО? — спросил Илья.

— В обед только вышел, а уже на УДО собрался, — усмехнулся Рыжий.

— Я так в августе писать буду, — поделился планами Картошин.

— Я — в октябре, — прошептал Стёпа.

— У меня только после нового года подходит, — неохотно отозвался Толик. — Сначала Димас напишет, а потом уже я.

— А почему так? — любопытствовал Илюха.

— Потому что мы с Димасом — подельники, — растолковывал Рыжий. — Ему тяжелее, он в зоне. Вот он сначала пройдёт УДО, а потом я и напишу.

— Да уж, тяжелее ему, — с сомнением в голосе начал было Илья, но, вспомнив разговор со старшаками, осёкся.

— А что, нет, что ли? — вставил Толя.

— Всё верно, — поспешил согласиться Картошин. А где-то в животе противно заныло: не забыл ведь, что он должен сделать для старшаков.

— Ты за что сел-то, Картоша? — сонно поинтересовался Стёпа.

— У меня компания была плохая, — разоткровенничался Илья. — Мы то клей нюхали, то лак пыхали. Забирались на чужие дачи. Сначала просто из интереса, не брали ничего, а потом во вкус вошли и тащили уже всё, что не приколочено. А однажды соседи заметили нас, вызвали ментов, те нас и охомутали.

— И сразу посадили? — удивился Стёпа.

— Нет. Дали условно. Закрыли уже потом, за то, что отметки прогуливал.

— Шегол ты, Картоха, — усмехнулся Толя.

— Сам ты шегол, — обиделся Илья. — На себя посмотри! Ты-то, Толян, что совершил?

— Он человека убил, — отозвался вместо него Стёпа.

— Не свисти, очкарик! — осадил Рыжий.

— Расскажи, — попросил Илюха.

— Нет, — Толян сказал как отрезал.

— Они с Димасом по синей волне мужика отметелили до смерти, — не унимался Стёпа. — Их месяц искали, а потом Толик проболтался кому-то, их и вычислили.

— Я сейчас встану и в окно тебя выкину! — Рыжий психанул и сел на кровати.

— Молчу-молчу, — поспешил успокоить его Стёпа.

— Ты про себя расскажи, как травмат в оружейном магазине свистнуть хотел, уже имея условку за воровство! Расскажи, как тебе хозяин оружейки всю задницу отпинал, а потом ещё и посадил! — Толик зло выругался.

— А ты расскажи, как ты гнёзда в детстве разорял, садист! — снова заводился Стёпка.

— То вороньи были, это не считается! — отбрехивался Рыжий.

— Тогда расскажи, как ты кота моего убил; за задние лапы — да об угол! — подначивал Стёпа.

— Потому что нечего зоопарк разводить! — рявкнул Толян. — Не положено!

— Потому что ты маньяк! — припечатал последним словом Стёпа.

Ребята замолчали. Стёпа возмущённо сопел, Толик вертелся с боку на бок.

— Толя, а вы с мужиками с колонии-поселения общаетесь? — перевёл тему Илья.

— Общаемся. Бывает, вместе какую-нибудь работу делаем. Они обитают в вагончике за ребилом. А тебе зачем?

— Так просто, — замылся Илюха. Спросил: —

Они ведь и в зону ходят, и за зоной работают?

— Не все. Например, Серёга-электрик — тот да. Помощник его тоже, — вслух припоминал Толик. — А остальные тут сидят.

Илюха не унимался, выпытывал:

— А чем они занимаются?

— Да всяким, — лениво отвечал Толик. — Как мы, только территорию не убирают. Кто — на овощном складе, кто — на вещевом. Осенью крышу ремонтировали у штаба, забор чинили.

— В штабе пластиковые окна вставляли, — подсказал Стёпа.

Внезапно дверь распахнулась, на пороге показался младший инспектор отдела режима.

— Вы ещё долго шептаться будете? — громко спросил он. — Спице, а то я завтра настучу на вас замполиту — получите по щам!

— Спим, пацаны! — скомандовал Рыжий и добавил: — Извини, дядя Саня. Всё. Уже спим.

Инспектор закрыл дверь. Наступила тишина. Слышно было только тиканье часов, висевших над кроватью Картошина.

Илюха поплотнее закутался и попытался ни о чём не думать, но сон всё равно не шёл.

— Не ссы, — тихо-тихо прошептал Стёпа. — Иваныч никогда не бьёт. Здесь вообще не принято драться.

— Нигде не принято, — тихонько буркнул Картошин.

Стёпка не соглашался:

— Ну, в зоне-то за косяк можно и от своих схлопотать, но у нас таких порядков нет...

— Ты ему наговоришь, болван, он расслабится, — ругнулся Толик и перевернулся на другой бок.

— А не надо запугивать, — заметил Стёпа. — Ему и так непривычно.

— Пацаны! — осмелев, позвал Илья. — Одолжите пять тысяч до зарплаты!

— Ни хрена себе! — не сдержавшись от удивления, Рыжий даже присвистнул. — Ещё чего захотел!

— Да мне до зарплаты только! — просил Илюха. — Отцу переведу, чтобы вещей мне купил. Я же отдам. Куда я от вас денусь?

— Такой ты простой! Деньги на карту падают в бухгалтерии, — втолковывал новичку Рыжий. — Их же на руки не выдают. Даже если б

я захотел, как мне тебе их перевести? А как ты бате их переведёшь?

— Точно, — раздосадованный Илюха заворочался на поскрипывающей кровати. — А как мне отцу позвонить?

— Спи уже! — не выдержал Стёпа. — Всё завтра расскажем. Опять поднимут в шесть утра, а время почти час. Спать-то тут осталось...

Илья прикусил язык и больше не заговаривал. Вскоре его товарищи захрапели, а он так и пролежал до шести утра, глядя в потолок.

* * *

На следующий день Картошин выпросил у прибывшего на службу воспитателя Конюхова телефон, чтобы позвонить отцу. Забегав за реабилитационный центр, он закурил и набрал номер.

— Пап, привет! — услышав «алло!», радостно поздоровался Илюха. — Всё! Я в ребике!

— Поздравляю, — отозвался отец. — Как приняла? Как устроился?

— Устроился хорошо. Приняли отлично. Как у тебя дела?

— Работаю. На линии.

— Понятно, — Илюха помолчал, собираясь с духом. — Пап, у тебя есть пять тысяч? Я с зарплаты верну, слово даю!

— Зачем? — недоуменно спросил отец.

— Ну, — замылся Илья, — мне — одеться. Тут же все ходят в гражданском, а я — в зёковском всё. Плюс кружку купить, еды там. Всё такое...

— На сигареты? — продолжил отец.

— Что ты! Я не курю, ты же знаешь! — с жаром возразил Илюха.

— Да всё я знаю, — отмахнулся отец. — Тебе привезти деньги-то?

— Ты переведи на номер телефона, и мотаться не надо. Тут так-то хоть каждый день можно приезжать, но ты же занятой.

Отец вздохнул, задумался.

— Ну, диктуй номер, балбес, — согласился он наконец. — Но за каждый рубль мне отчитаешься потом! И чтоб с зарплаты вернул, раз слово дал.

Илюха продиктовал номер.

— Когда положишь?

— Если получится, то сегодня. Или завтра. Чей это номер?

— Да тут одного... — замылся Илюха.

— Из тебя хоть не вымогают? — с тревогой в голосе спросил отец.

— Нет, конечно! — соврал Илюха. — Тут у нас всё законно.

— Ладно, созвонимся ещё. Это чей номер?

— Воспитателя нашего. У тебя не записан разве? — выкручивался Картошин. — Ты запиши на всякий случай.

— Запишу, — пообещал отец. — Всё, пока, я на работе.

Илюха нажал «отбой» и развернулся — позади стоял воспитатель. Картошин протянул ему телефон и зажигалку:

— Спасибо.

— Оставь себе, — Конюхов вернул зажигалку. — Как папа?

— Всё хорошо.

— Зачем тебе пять тысяч? — требовательно спросил Конюхов.

— Шмотки купить. И вообще... — опять что-то мудрил Илюха.

Воспитатель смотрел ему в глаза:

— А вы разве на выезд едете?

Илья опустил взгляд:

— Собираемся. Скоро.

— Не слышал.

— Ну, поедем же когда-нибудь. Вот, заранее суечусь, — снова выкручивался Картошин.

Конюхов не отставал:

— А на чей номер деньги?

— Номер? — старался выиграть время Илюха. — Ну...

На счастье Картошина из-за угла вывернул замполит.

— Чего тут собрались? Картошин, бегом работать! Конюхов, тоже бегом работать! Хотя нет. Конюхов, останься, я тебе задач нарежу. Всё! Картошин, потеряйся!

Илюха выдохнул и постарался быстрее скрыться с глаз сотрудников ребика.

На следующий день на обеде, когда в столовой все собрались за общим столом, Толя сказал: в ларёк приходили Толстый и Димас и велели передать Илюхе, что он молодец и они в него верят.

— Сказали, что ты оправдал доверие, — по-

жал плечами Рыжий. — Какое ещё доверие ты оправдал?

— Ну, — Картошин пожал плечами, — в ребик вышел.

— И что? Типа им от этого легче стало? — не поверил Толик.

— Я откуда знаю? — огрызнулся Илюха. — Спросил бы своего поделщика, чего им от меня надо.

— Хорош, — прервал обоих Стёпа. — Чего вы? Это они специально. Мне поначалу тоже приветы передавали. Спрашивали, мою туалеты или нет.

— Завидуют, — отозвался Картошин. — Сам-то в зоне.

— Им в зоне лучше нашего живётся, — не согласился Толик. — Они же блатные.

— А вы с Димасом друзья? — спросил Илья.

— Не понял, — Рыжий нахмурился. — В каком смысле?

— Ну, он блатной, — пояснил Картошин, — а ты — в ребике.

— И что? — пытливо уставился на него Толик.

Илюха как ни в чем не бывало пожал плечами:

— Ничего, просто они меня подтягивали после учебно-воспитательного совета... Страшало, что я теперь непорядочный, раз за сотрудниками прибираюсь.

— Дурак, что ли? — Стёпа даже ложку бросил.

— Ой, дура-а-ак! — протянул Толя.

Илюха переводил взгляд с одного бесконвойника на другого.

— Ты кого слушаешь? — накинулся на Картошина Стёпа.

— Погоди, — прервал его Толик. — Что они тебе ещё говорили?

— Ничего, — Илюха поджал губы.

— Не ври! — впился в него глазами Толик.

Илья выдержал взгляд:

— Отвечаю: ничего! Просто поугади немного.

— Смотри, Картоха! — Рыжий покачал головой. — Лучше признайся, что задумал... Если нас из-за тебя в зону вернут...

— Сам придумай, что будет, — закончил вместо Толика Стёпа, поправив очки.

Илюха промолчал. Ему стало страшно. Как поступить, он не знал. Признаться пацанам, на что подписался, он не решился.

«Им-то что, — думал он, — один — прибли-

жённый Димаса, второй — весь из себя умный. Очкарик — одно слово. А мне что делать? Они скажут: не смей телефон заносить, — а мне потом руки-ноги сломают в городе. Или ещё чего похуже. Ведь не я же телефон понесу. В конце концов, кто на меня подумает? Тем более пять тысяч я уже перевёл».

Илюха решил всё-таки осуществить задуманное.

* * *

Потянулись трудовые будни. Весна всё больше вступала в свои права. Парни раскidyвали снег по периметру плаца перед штабом, чтобы быстрее таял, подметали обнажившийся асфальт, грелись на солнышке. Пару раз воспитатели вывозили их в близлежащий посёлок на субботники. Один раз они ездили наводить порядок на территории церкви. Отец Даниил Немиров потом напоил их чаем, подарил пакет сладостей и пообещал как-нибудь приехать, рассказать о жизни зэков на строгом режиме, где он проводил церковные службы.

— Есть такое понятие — тайна исповеди, — говорил отец Даниил. — Но я не буду называть имён, мы поговорим о поломанных судьбах тех людей, которые долгие годы провели в этом мрачном месте — в зоне строгого режима.

Священник рассказал юнцам о быте и условиях «настоящей» зоны. Парни слушали раскрыв рты и полночи потом обсуждали услышанное.

«Я точно больше не сяду», — твёрдо решил для себя Картошин. Однако отказаться от обещанного старшакам он уже не мог — слово не воробей.

В середине мая положительно характеризующихся воспитанников вывели на восьмичасовой выезд за пределы колонии в сопровождении сотrudников. В качестве поощрения им разрешили посетить парк аттракционов. В составе группы ехал и смотряга — Илюха Толстый.

— Сегодня вечером, — уловив момент, шепнул он Картошину, когда все вышли покурить перед шлагбаумом. — Пикнешь — убью!

Картошин извёлся в ожидании, места себе не находил. Он порывался было рассказать всё

начальнику, но в последний момент струсил идти к нему. Вместо этого Илюха спрятался от чужих глаз в туалете, свернувшись калачиком возле стиральной машины, и плакал.

Вечером группа вернулась с выезда.

— На, Картоха, — Толстый кинул Илье спортивный костюм, в котором ездил в город. — Постиралась и высушишь лично!

— Карманы проверь, вдруг что позабыл, — небрежно бросил смотряга, но Картошин понял, что в кармане спрятан запрет. Он взял вещи и сунул в стиральную машину.

— Без меня не стирать! — предупредил он Толика и Степана.

— Мы сегодня не стираем, — отозвался Рыжий.

Вечером, перед отбоем, закрывшись в туалете, Картошин обыскал спортивный костюм и нашёл в подкладке штанов сенсорный телефон, а в кармане олимпийки — зарядное устройство и три тысячи рублей. Ещё нашёл записку: «Найдёшь Серёгу с колонии-поселения, передашь ему телефон, зарядку и деньги. Он знает, что делать. Сроку тебе — неделя. Если всё сделаешь, претензий к тебе нет. Если не сделаешь — через неделю и один день люди с города приедут решать с тобой. Записку в унитаз смой, да проверь, чтобы утонула».

Илья смыл записку и надёжно спрятал запреты.

* * *

Сутра Картошин напросился на работу в Овощной склад, вход в который находился рядом с вагончиком, где обитали поселенцы.

После обеда отпросился у тыловика сбежать до мужиков, стрельнуть сигарету. Предупредительно постучав, Илюха заглянул в вагончик. Сидя на нарах, боком к нему два мужика резались в карты. Третий спал, устроившись прямо на полу. От густого сигаретного дыма Картошин даже закашлялся. Мужики, бросив играть, посмотрели на него.

— Тебе чего, малёк? — спросил один.

— Мне Серёгу надо.

— Ну, я Серёга, — отозвался один из игроков.

— Дальше что?

— Ты электрик? — уточнил Илюха.

Мужик закобенился:

— А чего это ты ко мне на «ты»?

Илюха негромко сказал:

— Простите.

— Слышь, давай вали отсюда, — с раздражением попросил Картошина второй.

— Я по делу, — не отставал Картошин. — От Ильи Толстого.

— Это кто? — спросил мужик.

— Да ко мне это, — открыл глаза спящий на полу зэк. Он сел и потёр ладонями опухшее лицо. — Пойдём потрещим, малёк.

Вдвоём они вышли из вагончика. Мужик протянул Илье сигарету.

— Чего хотел? — Серёга хмуро посмотрел на Картошина.

— Я принёс, — начал было Илья, но получил ошутимый тычок под рёбра.

— Рот закрой! — мужик глубоко затынулся. Быстро оглядевшись, он повернулся боком к пацану и взглядом указал на широкое голенище сапога. — У тебя, кажись, шнурок развязался.

Картошин присел на корточки и неловко сунул пакет с телефоном, зарядкой и деньгами за голенище сапога, потом перешнуровал правый кроссовок. Мужик цыкнул сквозь зубы тягучей слюной, бросил презрительный взгляд на Илюху и, кинув ему под ноги окурок, вернулся в вагончик.

От унижения и обиды Картошин разревелся, размазывая слёзы по грязному лицу.

— Ты чего? — удивленно спросил его тыловик, заглядывая Илюхе в лицо, когда тот вернулся на склад.

— Живот разболелся, — отворачиваясь, всхлипнул пацан и сморщился, сдерживая слёзы.

— Иди-ка ты лучше в ребик и полежи, — принял решение сотрудник. — Завтра продолжим.

Он проводил Картошина до реабилитационного центра и уложил на кровать, предварительно переговорив с замполитом.

Остаток дня Илья провалялся, укутавшись с головой цветастым одеялом — символом бесконвойников, которые, в отличие от пацанов в зоне, не обязаны были застилать постель белыми простынями.

Прошло две недели. Картошин сдал в «об-

шак» ещё три тысячи, и от него отстали. Дышать стало легче. Не сказать, чтобы на душе было хорошо, но нервничать Илюха перестал. «Когда ещё этот электрик в зону телефон понесёт, — мысленно рассуждал Илья. — Может, вовсе не понесёт. Главное, свою часть работы я сделал».

* * *

— Собирайтесь, оленеводы, — скомандовал однажды с самого утра замполит. — Сегодня едете все втроём в посёлок. Местная администрация попросила вокруг здания мэрии пройти с граблями, помочь с грядками и посадкой цветов, травку покосить, если нужно. Короче, на весь день переходите к ним в подчинение. Шевелитесь!

Пацаны, радостно переговариваясь, быстро собрали в дорогу еду, в рюкзаки сунули рабочую одежду, вытащили из кладовки грабли и в нетерпении уселись на скамейку перед входом в реабилитационный центр.

Они только собрались закурить, как из штаба вышел начальник колонии и двинулся к ним.

— Отставить баловство, — строго погрозил пальцем Александр Иванович, но тут же хитро улыбнулся: — Ты и так мелкий, Картоха, а курить будешь — совсем сморщишься, как картошка весной. Видел?

— Видел, — ворчал Илюха. — На складе.

— А видел, какие у неё отростки вырастают? — не отставал Иваныч.

— Ну, видел, — чувствуя подвох, отозвался Илюха.

— На рога похожи, да?

Рыжий и очкарик заржали.

— Картошин — рогатая сморщенная картошка! — ткнул в него пальцем Стёпа.

— А ты вообще, очкарик, молчи! — притворно надулся Илюха.

Шутка начальника его не обидела. Александр Иванович всегда разговаривал с прибаутками.

— Ладно, — начальник махнул рукой. — Куда собрались?

— В посёлок, вокруг мэрии убираться, — ответили пацаны.

— Все втроём, что ли?

— Ну да, — ответил кто-то.

— Нет, братцы, — начальник покачал головой. — Так не пойдёт. Толик, ты остаёшься.

— Почему я, Александр Иванович? — огорчился Рыжий. Кому охота сидеть в ребике, если можно провести весь день на свободе?! — Я самый сильный так-то! Больше пользы принесу!

— Анатолий, — засмеялся начальник, — там же не мешки с цементом надо таскать! Сам по суди: тут тоже кто-то должен остаться. А завтра Стёпа останется. Потом — Илья.

— Завтра уже не будет работы такой, — упрямылся Толик.

— Что ты! — махнул рукой Александр Иванович. — Там на целую неделю делов! Это же я к ним заезжал, они меня просили. Заборчик надо подремонтировать и покрасить, прошлогоднюю траву убрать, грядки вскопать... Короче, всю неделю будете ездить помогать.

— Нормально, мы, блин, меценаты! — покачал головой Стёпа.

— Альтруисты! — вставил Илья.

— Должны нам будут, — подмигнул начальник и посмотрел на Толю: — Давай, Рыжий, распаковывай чемоданы, пей чай и — к замполтылу...

— Чифирнуть можно? — шутканул огорчённый Толя.

— Ну, чифирни, — пожал плечами начальник. — Только вещи сразу свои собери, поедешь на общий режим досиживать.

— Понял. Просто чай, — ответил Рыжий.

— За такие шутки на кипяточек переведу. — Начальник поднялся со скамейки, на которую присел в ходе разговора, и зашёл в реабилитационный центр.

Спустя несколько минут вышел замполит:

— Готовы?

— Да, — кивнули Илюха и Стёпа.

— Тогда садитесь в машину, я вас отвезу.

Парни, не мешкая, запрыгнули в машину.

— На территории мэрии вы, оленеводы, переходите в полное подчинение Людмиле Александровне. Это у них что-то навроде завхоза. Она будет рядом с вами всё время, будет показывать, что и как делать, обеспечит инвентарём, определит последовательность работ. Кто не понял своего предназначения?

— Я не понял, — отозвался Стёпа. — Неужели моё предназначение — то, для чего я был рождён, — это уборка мэрии в жалком посёлке?

— Ты дурак, очкастый? — замполит поправил собственные очки и посмотрел в зеркало заднего вида на сдерживающих смех пацанов. Он хотел ещё что-то добавить, но передумал. Тень улыбки скользнула по морщинистому лицу старого полковника. — Эх... Оленеводы!

* * *

— Это мэрия? — удивлённо вытаращился Стёпа на одноэтажный барак, заросший по окнам травой и обнесённый полинявшим неопределённого цвета деревянным заборчиком. — Вот это приколы!

— Я тоже себе по-другому всё представлял, — поддержал Илья. — Мэрия...

— Это мы ещё покрасили его... В том году было, — замполит махнул рукой, и мальцы потащились следом.

Мэрия, точнее поселковая администрация, вытянулась вдоль дороги в некотором отдалении от неё. Никаких строений, кроме дровяника, рядом не было. Возле крыльца стоял пыльный внедорожник.

— Похоже, на девчонок тут точно поглядеть не получится, — констатировал Стёпа.

— На Людмилу Александровну поглядишь, — усмехнулся Илья.

Завхозом оказалась маленького роста толстая, но миловидная женщина с короткими, крашенными в светло-жёлтый оттенок волосами. Она вышла на крыльцо и, спускаясь, протянула навстречу руки.

— А я с утра по окнам скачу, вас поджидаю, помощники мои, — женщина ласково погладила бритого Илюху по затылку, отчего у него побежали мурашки по спине. Непривычное ощущение. — Николай Иванович, я их забирю, напою чаем и отправлю работать, а вы поезжайте, не беспокойтесь.

— Сеанс связи каждый час, — напомнил замполит.

— Конечно-конечно, — кивнула Людмила Александровна. — Каждый час буду вас набирать!

— Предлагаю сверить часы, — Стёпа поднёс руку к лицу и демонстративно посмотрел на своё голое запястье.

— Ты мой золотой, — искренне улыбнулась женщина, и Степке стало стыдно.

— Всё. До вечера, — замполит сел в машину и, вырвав на дорогу, умчался обратно в зону.

— Ну, пойдёмте. Чаем вас напою с печеньем, — пригласила парней Людмила Александровна.

— Вы извините, я неудачно пошутил, — не глядя на женщину, попросил Стёпа. — Просто мы привыкли. Юмор у нас такой.

— У нас, если не шутить всё время, плакать придётся, — поддержал Илья.

— Да бросьте, мальчики, — улыбнулась той же открытой и искренней улыбкой Людмила Александровна. — Вот узнаем друг друга покороче — обязательно подружимся.

— Считайте, что уже подружился! — ответил за себя и Стёпу Картошин.

Выпив крепкого чаю с овсяным печеньем и немного поболтав, парни во главе с завхозом отправились на улицу. Стёпа, вооружившись граблями, убирал старую траву вдоль фасада здания, а Илья с молотком и гвоздями правил забор. Работали молча, не торопясь, но и не отлынивая. Степан сгребал траву в кучи и складывал в мешки, которые прислонял к углу здания. Илюха приколачивал отвалившийся штакетник, поправлял накренившиеся столбики. Очень скоро он понял, что без клиньев столбы стоять вертикально не будут и ровным забор не получится.

— Слышишь, Стёпа! — крикнул Илюха. — Я схожу до завхозихи. Мне топор понадобится и спросить, где клинья раздобыть можно.

— Ну, давай, — кивнул, не отрываясь от работы, Степан. Дело у него спорилось.

Картошин зашёл в узкий коридор мэрии, постоял в нерешительности.

— Мила Санна! — позвал он.

Из крайнего справа кабинета вышла завхоз.

— Мне бы топорик и клинья, — объяснил Илюха. — Иначе столбы ровно стоять не будут.

— Сходи в сарайку, — махнула рукой Людмила Александровна. — Там сразу за дверью — топорик, а из дров клинья сделаешь.

— Спасибо, — кивнул Илья.

— Только осторожно, там у нас собака без-

домная поселилась. Она тихая, но вдруг что. Всё-таки животное, может и покусать.

Илья спустился с крыльца, завернул за угол, окликнул Стёпу:

— Слышь, арестант, шабаш! Пошли за дровяник, покурим!

— Самое место для курения, — усмехнулся очкарик. — Спалим мэрию к едрене фене.

— А мы аккуратнo, — улыбнулся Илюха и зашагал к сарайке.

Весело болтая, мальцы завернули за угол дровяника и лицом к лицу столкнулись с местными.

— Оп-па, — скрывая смущение, Илюха пробежал глазами по лицам ребят.

На него вопросительно смотрели два паренька, на вид — помладше Картошина, но крепче и выше его, и белобрысая девчонка, очевидно, их ровесница, маленькая, как куколка.

— Вы чего здесь? — спросил Стёпа.

— Дела, — с вызовом бросил в ответ один из местных. — Кто такие?

— Мы-то? — усмехнулся Илья и, прищурившись, хриплым голосом ответил: — Мы с зоны сбежали.

Девочка вскрикнула и закрыла рот ладошками, пацаны переглянулись и кинулись на очкарика и Илюху. В два счёта оба оказались на земле с заломленными за спину руками.

— Э, вы чё? Мы же пошутили! — тшкетно пытаясь вырваться, крикнул Илюха. — Всё, хватит, слезай с меня.

— Вот сейчас полиция приедет, и слезу. Миха, держи очкарика крепче! Людка, беги к Людмиле Александровне, вызывайте полицию!

Через пару минут, после того как завхоз, прибежавшая спасать своих работников, всё объяснила поселковым ребятам, те отпустили залётных пацанов и даже извинились перед ними.

— Ладно, — протянул руку Илюха. — Молодцы. Бдительные. И дерётесь — будь здоров. Меня Ильёй зовут.

— Денис, — отозвался тот, что «ломал» Картошина. Он был ненамного выше Илюхи, но под футболкой бугрились крепкие мышцы, а рукопожатие было стальным. — Мы с Мишаней борьбой занимаемся. У вас шансов не было.

Здоровяк Миха кивнул, продемонстрировав рельефный бицепс. Оба были одеты в дорогие

кроссовки, фирменные спортивные и обтягивающие футболки.

— А я — Люда, как Людмила Александровна, тёзки мы, — девчонка смело протянула ладошку. Она во все глаза смотрела на пыльных арестантов, смущённо поглядывавших то на местных, то друг на друга.

Картошин осторожно пожал руку Люде. «Кругом одни тёзки», — подумал он, вспомнив мимоходом Илью Толстого.

— Ой, — спохватилась Люда, — вам надо отряхнуться, а то и постираться! Мальчишки вас изваляли!

— Не надо, — поспешил успокоить Илюха. — Это рабочая одежда. Там мы другую носим, чистую.

— Вы эски, значит, — покачал головой Мишаня.

— Миша, ну зачем? — Люда укоризненно посмотрела на него.

— Типа того, — кивнул Стёпа. — Только мы исправленные... Твёрдо вставшие на путь исправления. Мы живём за зоной в специальном реабилитационном центре. Работаем, вот сюда приехали помогать. Нам даже зарплату платят.

— А почему вас не отпускают, если вы исправились? — поинтересовался Денис.

— Время не подошло, — объяснил Илюха. — У меня вот в сентябре подходит. У Стёпы — попозже. Есть ещё Толик, тому вообще ещё долго.

— А сколько вам лет? — спросила Люда.

— Нам семнадцать! — приврал Илюха. — Скоро совершеннолетние будем. А вам?

— Мише и Дениске — пятнадцать, а мне — шестнадцать. Кстати, Денис — это мой родной брат, а Миша — двоюродный. У нас тут неподалёку бабушка на даче живёт, мы к ней постоянно ездим.

— Всё растриндела, — недовольно насутился Денис. — А завтра они велосипеды наши стащат.

— Слышь, ты! — покраснел Илюха. — Ты думаешь, посадили, значит, ворует всё, что не приколочено? Мы, может, получше тебя ещё будем!

— Чё ты знаешь, вообще! — накинулся на Дениса Стёпа. — Вот сломал бы мне руку сейчас — тоже бы посадили! А у меня сроку ещё достаточно, я бы тебе устроил!

— Хватит! — крикнула Люда. — Успокойтесь! Денис, ты не прав, извинись.

— Да ладно, — махнул рукой Илья. — Всё равно вам не понять. Вы о мире ничего не знаете. Сидите тут... в траве за сараем кузнечиков ловите...

— Ничего мы не ловим, — перебила его Люда. — Мы щенков выхаживаем.

— Зачем ты им всё рассказываешь? — возмутился Миша. — Что, они друзья нам, что ли?

— Людмила Александровна сказала, что они тут несколько дней работать будут. Выходит, они так и так узнают. Лучше мы расскажем, чем они сами найдут.

— Вот именно, — буркнул Денис. — Найдут логово, придушат щенят — и всё.

— Да ты достал меня! — психанул Стёпа. — Ты провоцируешь специально!

— Тихо-тихо, — замахал руками Илья, ему было интересно посмотреть на щенков. — Покажите, — он кивнул девочке.

Люда пошла первой, за ней — Денис, Илюха и Стёпа. Замыкал цепочку отмалчивающийся Миша. Люда отодвинула доску, выломанную братьями, и залезла внутрь.

— А через дверь нельзя? — спросил Стёпа у Миши. — Открыто же.

— Дровяник на две части поделён. Одна открыта. Другая — на замке, — пояснил Миша.

— А ключ попросить? — недоумевал Стёпа.

— У кого? — развёл руками Миша. — Никто не даст.

Наконец все оказались внутри. Свет, пробивавшийся сквозь щели в стенах, будто лазером прорезал полумрак помещения, заваленного самым разнообразным хламом. В его лучах кружилась, не оседая, пыль. Все остановились, привыкая к темноте. Вдруг Стёпа чихнул. В углу за массивным, сколоченным из фанеры ящиком кто-то завозился и заворчал.

— Ласка! Ласка! — позвала собаку Люда.

В ответ раздалось повизгивание. Ребята потихоньку подошли к ящику и заглянули за него. В неглубокой ямке, похожей на маленький кратер и выстеленной прошлогодней травой, лежала средних размеров дворняга коричневого цвета с белыми пятнами. Рядом возились два щенка: один — точь-в-точь как мать, второй — полностью чёрный.

— Ух ты! — Илюха присел на корточки и потянулся к щенкам.

— Стой! — остановила его Люда. — Напугаешь собаку. Это же её детки, а ты незнакомый, чужак для неё. Мишка, дай ему хлеба, пусть покормит Ласку.

Миша молча протянул Илье кусок. Оказалось, у ребят был с собой пакет с едой для собаки, который поначалу они со Стёпой не заметили.

— На-на-на, — позвал собаку Картошин. Дворняга повернула к нему морду, испуганными глазами посмотрела на Люду, потом на него, но хлеб взяла. — Умница!

Илюха погладил собаку по спине, осторожно переместился ближе и погладил чёрного щенка. Тот взвизгнул, испуганно посмотрел на человека и неожиданно лизнул ему руку.

— Надо же! — удивилась Люда и пристально посмотрела на Илью.

— Они уже ходят, — авторитетно заявил Денис. — Мы решили их подрастить. Трёх щенков уже раздали. Остались эти два.

— Разноцветного я сама хочу взять, — поделилась Люда. — Мы все хотим. Только бабушку ещё не уговорили. А Чёрный — мы его так прозвали — самый маленький и слабый был. К тому же окрас никому не нравится.

— Мне нравится, — Илюха принялся разглядывать щенка. — И цвет подходящий. Он у нас на зоне многое означает.

— Тогда лучше красного щенка раздобыть, — посоветовал из-за спины Стёпа, который откровенно скучал.

— Почему красного? — удивилась Люда.

— Потому что Стёпа у нас дурачок, — ответил Илюха.

— Сам дурак, — не остался в долгу Степан. — Вы тут возитесь, а я пока по сараю пройду. Исследую.

— Я с тобой, — неожиданно решил присоединиться Миша. — Пошли. Я уже ходил. Тут много разного хлама интересного есть.

— Я с вами! — Денис поспешил вслед за парнями. — Люда, если что — только крикни!

С собакой остались Люда и Картошин. Девчонка осторожно взяла на руки чёрного щенка и показала Илье.

— Сейчас-то он выправился. Поначалу, ког-

да их много было, его оттирали более сильные, но он боролся и теперь, когда других раздали, отъелся немного.

Илья посмотрел на щенка, который всё равно был гораздо меньше, чем второй разноцветный, который продолжал сосать Ласку.

— Знаешь, Люда... — Картошин обратился к девочке по имени, покраснел и запнулся. — Знаешь, у него судьба на мою похожа. Сегодня, когда мы обратно вернёмся, я кое с кем поговорю... Может быть, я его заберу.

— Было бы здорово!

— Только вы его никому не отдавайте, — попросил Илюха и погладил щенка по голове. — Не бойся, Чёрный, скоро ты будешь жить с нами.

Люда вернула щенка на место, достала из пакета контейнер, вывалила его содержимое в миску, стоявшую тут же, и подсунула её собаке.

— Вот и всё, — подытожила она, поднялась и отряхнулась. — Теперь мы завтра придём после обеда и принесём ещё еды. Вы завтра тоже тут будете?

— Да. Мы с самого утра приедем. Можешь, если хочешь, пораньше прийти. Правда, мы работать будем, но поболтать можно и за работой.

— Меня Мишка с Денисом одну не отпустят, — покачала головой Люда. — Они везде меня сопровождают. Охраняют.

— Я тоже могу охранить!

Люда засмеялась:

— Нет такого слова.

— Слова, может, и нет, — согласился сначала Картошин и добавил: — главное — смысл. Я, знаешь, повидал ситуаций... Со мной можешь быть спокойна.

Девчонка улыбнулась и посмотрела в глаза Илюхе, отчего тот снова покраснел и совсем растерялся.

— Во-о-т, — протянул он, но в это время вернулись весело болтающие парни.

— Картоха, ты чего, тут всё ещё животноводством занимаешься? — сострил Стёпа. Денис с Мишей засмеялись. — А там столько всяких штук!

— Людка, пошли, — позвал Денис. — Покормили — и хватит.

Тем же путём вся компания выбралась из сарая.

— Давай, Стёпа, — протянул ему руку Миша.

— Приезжай завтра. Тут ещё много чего интересного есть.

— Ага, давай, — присоединился Денис.

Стёпа пожал обоим руки, но с Илюхой ребята повели себя не так — более холодно.

— До завтра, Илья. Пока, Стёпа, — попрощалась с пацанами Люда, но смотрела она в этот момент на Картошина, у которого от её взгляда засосало под ложечкой.

Троица удалилась, пообещав вернуться завтра после обеда. Остаток дня пацаны вяло слонялись по территории, создавая вид деятельности.

— Что-то вы немного поработали, — заявил приехавший забирать их замполит.

— Тут работы на месяц! — притворно возмутился Илюха. — Это если без выходных работаты!

Полковник попрощался с Людмилой Александровной, пообещав, что парочка вернётся завтра.

В своей комнате после отбоя Илюха и Стёпа с жаром делились впечатлениями от поездки с Толиком, а он то и дело огорчённо вздыхал и махал руками на одного, на другого.

— Парни нормальные, я тебе говорю, — рассказывал Стёпа. — Если что, можно и в интернете посидеть с их телефонов, и вообще... Завтра обещали показать мне пару приёмчиков своих. Конечно, молодежь зелёная, но лучше наших зонавских затупков. Есть о чём поговорить.

— Да ерунда это, — перебивал его Илюха. — Ты прикинь! Заведём себе собаку! Он чёткий пёс. Зовут Чёрный, звучит как погремуха. Будем гулять с ним, играть.

— Да кто тебе разрешит! — хмыкнул Толик. — Запрещено содержать домашних животных.

— Он не домашний, а уличный, — с жаром уточнил Картошин. — И запрещено без разрешения, а я разрешение спрошу завтра. А не разрешат, тогда я его тайком перенесу на склад за ребиком и кормить буду. Никто не узнает.

— Ну, вперёд, — безразлично махнул рукой Рыжий, — только сам с ним возиться будешь.

— Илюха, а расскажи Толяну про Людочку, — хитро прищурился Стёпа. И пропел: «Наш Костя, кажется, влюбился, — шептались грузчики в порту».

— Там что, тёлка была, что ли? — заинтересовался Толя.

— Сам ты тёлка, — отмахнулся Илюха. — Так, малолетка... К тому же ростом — метр с кепкой даже рядом со мной.

— Ну и что, — пожал плечами Толя. — Всё равно тёлка.

— Достал ты, Толик! Такой ты дебил! И рассуждаешь как дебил! — разозлился Картошин.

— Она ему понравилась, — сделал вид, что шепчет, Стёпа. — У них почти любовь. Вот, даже щенка усыновили. Детей-то ещё рано заводить.

— Пошли вы оба, — Илья отвернулся к стене и накрылся с головой одеялом.

— Илюша, — позвал его Толик. — Илюшенька! Картошин молчал.

— Илюха, блин! — громче позвал Толя.

— Ну что? — в голосе Картошина слышалось раздражение.

— Мы же шутим. Не обижайся.

— Шутники! Ишь! — буркнул Илья.

— Ладно, прости, — извинился Стёпа. — Просто вы там сидели как жених и невеста перед псиной этой.

— Ну и что с того? — Илья откинул одеяло. — Мне реально понравился щенок. И Люда понравилась. Чё такого-то?

— Всё-всё, — остановил его Толя.

— Первая особь женского пола, которую увидел после зоны Илья, — и сразу любовь! — связвил Стёпа.

Картошин вскочил и швырнул в него подушкой, угодив точно в голову.

Толик засмеялся.

Стёпа, бросив подушку обратно Картошину, подмигнул Толе:

— Видал? Весна...

Илюхе стало смешно. Он улыбнулся и посмотрел на парней:

— Давайте спать, бандиты. Завтра опять вставать в шесть утра.

Пацаны согласились и вскоре оба уже сопели.

А Илья лежал, отвернувшись к стене, с открытыми глазами, но видел он не старые обои, а пыль, кружащуюся в узких лучах света в полутёмном сарае, чувствовал запах прошлогодней травы, машинного масла, сырой шерсти... и запах Людиных волос.

* * *

На следующий день работать к мэрии печатать на компьютере какие-то бумажки. Тем он и занимался до вечера, сдерживая бушевавший внутри пожар, с затаённым страхом ожидая, какие новости привезут с выезда его однокашники.

— Ну? — встречал на улице приехавших работников Картошин.

— Что? — неохотно отозвался Стёпа.

— Как там? Какие новости? — допытывался Илья.

— Ты про подругу свою новую? — прищурился Толик. — Ничё такая. Сижку⁸ дай — тогда расскажу.

— Пошёл ты! — психанул было Картошин.

Тем не менее он протянул работникам по сигарете, и вся троица потянулась за угол покурить.

— Поработали до обеда, завхозиха покормила, пошли откисать за сарайку, — неторопливо рассказывал Стёпа.

— Мы там скамейку оборудовали! — встрял Толя.

— Приходили местные. Мишаня карты принёс, посидели, поиграли. Твоя приходила тоже. Привет тебе передавала. Этот, — Стёпа кивнул на Рыжего, — опять животных мучил. Псину всё норовил из сарая вытащить. Это он так на себя внимание твоей подруги обращал.

— Ничего она не моя! — насупился Илюха.

— Значит, моя будет, — решил Толик и сразу ойкнул от подзатыльника Картошина. — Я, Картоха, тебя на детали разберу, ещё попробуй только! — серьёзно предупредил он Илью.

— Псину твою посмотрели, прикольная.

— В общем, мы с Толяном порешили, что заберём бедолагу сюда, — объявил Стёпа.

— Жалко его, — подтвердил Толя. — Он же, как мы, неустроенный. А так у него семья будет.

— Ты, что ли, семья? — докопался Илюха.

Рыжий невозмутимо пояснил:

— А кто для собаки семья? Хозяева его, — и продолжил: — Прятать до поры будем его на старом складе на привязи. Потом, когда подрастёт, сами сядимся замполиту. Усач — му-

жик хороший. Тем более пёс уже самостоятельный будет.

— Ты что делал весь день? — после минутного молчания спросил Стёпа Илюху.

— Так, ничего особого. Приборку только один наводил. С вас причитается.

— Ни фига, мы работали, — отрезал Толик.

— Да знаю я, как вы работали! — махнул рукой Картошин. — Сам там был.

Толик переменял тему:

— Что порешим? Когда псину заберём и как?

— Вот! — спохватился Илья. — Вопрос хороший! И как мы щенка сюда перетащим? — он даже как будто огорчился. — Об этом я не подумал. Не с замполитом же его в машине везти.

— Спокуха! — Стёпа подбочился. — Я всё придумал. На выходных у местных приезжают родители. Мы договорились, что в субботу они подъедут на машине к магазину на углу зоны в условленное время, а один из нас сходит за щенком. У дежурного отпросимся, типа за продуктами.

— Точно! — обрадовался Илюха. — Мне почему-то в голову не пришло.

— Потому что ты маленький глупый гриб-мухомор, — подколот его Толик.

Парни побросали окурки и отправились в реабилитационный центр на ужин.

На следующий день работать их не возили, потому что в мэрии некому было за ними присматривать, а остаток недели они колотили новые трапики для контрольно-следовой полосы. За эту работу заместитель начальника по охране обещал привезти им в понедельник шашлыка с дачи.

В субботу, как и было условлено, Илья отпросился в магазин и, переодевшись в лучшее, что нашлось в ребике, отправился на встречу с роднёй Люды.

— Не пропадай надолго, жених, — со смешками напутствовал его Толя. — А то мы объявим розыск, скажем, мол, раб любви Илья сбежал с невестой в Америку.

— Такой ты!.. — махнул рукой на него Картошин. — Рыжий дурак ты! Я уж забыл, как она выглядит.

— Давай чеши отсюда, — пародируя начальника отряда Михаила Александровича, легонько подтолкнул Илюху в спину Толик.

Илья обогнул шлагбаум, прошёл ряд машин сотрудников, завернул за угол синего забора внешнего ограждения зоны. Вдоль забора тянулся дощатый настил, кое-где торчали гвозди, поэтому нужно было внимательно смотреть под ноги. К забору жались одноэтажные бараки жителей поселка, на краю которого находилась воспитательная колония. Илюха каждый раз поражался убогости жилищ и недоумевал, почему люди живут в этих развалах, окна которых смотрят на зоновский забор. Эти свободные люди живут хуже, чем они, малолетки-зэки. Он едва ли не впервые подумал о том, какие же огромные деньги тратятся на их колонию. Все эти здания — новые, ну типа с иголочки! — новая мебель, всевозможное оборудование, сигнализация! А сытная кормёжка сидельцев, а зарплата персоналу!.. На такие деньги можно перестроить весь этот посёлок и заселить обитателей барачков в новые дома. А мысль и дальше рванула, словно зэк на свободу: если эти люди — взрослые, их дети и старики — переселятся в новые дома, может, и преступность исчезнет, а тогда не понадобится государству строить и содержать лагерные зоны и колонии...

Взгляд мальчишки пробежал по барачным окнам, кое-где забитым фанерой. «Какие люди-человеки живут в этих убогих клетушках, — размышлял Илья. — Может быть, они родились и всю жизнь прожили тут, не зная ничего об удобствах и красивых видах из других окон. Живут себе и не думают ни о чём. Или здесь обитают опустившиеся бедолаги? Доживают там, где приходится, и вообще в окна не смотрят...»

Картошин мечтал, что проживёт жизнь счастливо. Правда, он не знал, как это будет, но воображал себе роскошные апартаменты, дорогую машину, костюм и пальто. Илюха думал, что после освобождения как-нибудь всё устроится. Он выиграет в лотерею, найдёт сумку, полную денег, Картошина заметит какой-нибудь депутат и почувствует его незаурядные способности. А как ещё? Иначе Илюха проживёт всю жизнь, как отец, — будет водить автобус, жить на зарплату, состарится и помрёт. Нет, Илья Картошин не такой! Обязательно произойдёт нечто такое, что вытащит его из этого болота. Например, Люда

влюбится в него как кошка, а её богатые родители купят им квартиру и устроят Илюху на «прикормленное место». В таком бараке, мимо которого он шёл, Илюха точно жить никогда не будет. Всё у него сложится.

Не глядя на убогую одноэтажку, Картошин прошагал вдоль забора до поворота и, завернув за угол, оказался около магазина, позади которого был припаркован красивый чёрный внедорожник. На ступеньках крыльца сидела Люда, держа на поводке Чёрного, который что-то нюхал у её ног.

— Люда, — позвали из машины. — Поехали уже, никто не придёт.

— Я пришёл! — крикнул Илья и покраснел.

Водительская дверь открылась, и на него глянул крупный мужчина в солнцезащитных очках.

— Это он? — кивнул мужчина на Картошина и сплюнул перед собой.

— Он, — подтвердила Люда.

— Это я, — храбро кивнул Илья, не понимая, о чём идёт речь.

Мужчина поверх очков посмотрел на Илюху, скривил губы, отвернулся. Картошину стало неловко за свою короткую стрижку и неряшливый внешний вид. Но не объяснять же им, что с гражданской одеждой в ребике дела не очень.

Илья подошел к Люде, поздоровался, присел рядом. Девчонка передала ему в руки поводок, внимательно оглядела его и улыбнулась.

— Я привезла корма щенячьего на первое время, — она кивнула на машину. — Чего вы больше не приезжали?

— Нас некому было контролировать сначала, — признался Илья, — а потом другой работой нагрузили. У нас ведь своих забот много, мы посёлку помогаем, только если более-менее свободны.

— Понятно, — кивнула Люда. — А мы с ребятами думали, вам надоело. Я еле упростила папу сюда приехать. Он не верил, что ты за щенком придёшь.

«Она сказала «ты», — подумал Илюха, — значит, меня ждала. Не Стёпку или Рыжего, а меня».

— Мы, Люда, хоть и не совсем эки, но подневольные люди, — объяснил он. — Мы под

надзором и делаем, что говорят. Считай, что я в армии. Там тоже всё по распорядку.

— Как в армии, — повторила Люда.

— Знаешь что? — набрался смелости Илья. — А ты можешь, когда корм кончится, ещё привезти? Чтобы первое время щенка кормить. Ты сама сказала, что так лучше будет.

— А можно? — робко спросила Люда.

— Можно, — заверил Картошин. — Мы же в центре живём. Тут за углом шлагбаум и сразу прямо за ним реабилитационный центр. Можешь в гости зайти, посмотреть, как мы живём, например. Можем даже в беседке посидеть — замполит разрешает.

— Разрешает девчонкам с тобой посидеть? — Люда искренне удивилась.

— Я не в этом смысле, — Илья с досадой хлопнул себя по колену. — Я ни с какими девчонками никогда не сидел. И парни не сидели. А с родителями и друзьями разрешают.

Картошин посчитал лишним рассказывать о том, как Толян зазывает всех девчонок подряд приезжать в гости, и ведь некоторые приезжали.

К парочке подошёл Людин отец.

— Слышь, как звать тебя? — дёрнул квадратным подбородком мужчина, руки не подал.

— Ильёй, — напоказ улыбнувшись, отозвался Картошин и посмотрел в солнцезащитные очки.

— Мне пофиг. Забирай своего питомца и отчаливай. Засиделись вы тут, — скомандовал мужчина.

— Папа, — Люда поднялась с крыльца, — может, довезём их?

— Пешком дойдут, — отрезал её отец.

— Ладно, пока, — Илья намотал поводок на кулак, сплюнул и, ссутулившись, пошёл к забору. Щенок скулил, вырывался, но Картошин упрямо тащил его за собой.

Неприязнь охватила Илью. Неужели у Люды такой отец? Ему не верилось и не хотелось верить. Но память обжигала — такой. «Руки не подал, очки даже не снял, чтобы я глаз его не видел, — думал Илья. — Правильно, я же эк. Чего ему со мной ручкаться?!»

Илюхе изо всех сил захотелось стать богатым и влиятельным. Хотя бы просто влиятельным. Стать дэпээсником и тормознуть того мужика за превышение!

– Попрыгал бы у меня, – пробормотал Картошин и обернулся к щенку. – Пошли давай. Еле тащишься. Чего скулишь?

«Даже собака не хочет в зону, а мне она уже осточертела», – решил Илья.

Картошин чувствовал это, но не мог сформулировать в голове очевидную мысль: взрослый мир не хочет принимать его как равного. Даже продавщица в магазине, который рядом с колонией, смотрит на него пренебрежительно: мол, воришка, наркоман, а может, ещё чего похуже. Нормальные дети все дома, в компьютер играют, а не в тюрьме сидят.

Чернее тучи вернулся Илья в центр, где в беседе поджидали его пацаны. Молча сунув им поводок, сам Картошин пошёл к себе в комнату, где, завалившись на кровать, свернулся калачиком и отвернулся к стене.

Зашёл Толя, присел на край кровати.

– Что, с родителями познакомился? – угадал он. Илюха промолчал. – А ты, наверно, думал, как родного примут, пирогов тебе напекут. Я потому и не хотел идти. Ты же ээк! Папа Люды небось всю ночь не спал, за дочь боялся.

– Ну, – отозвался Картошин. – Даже руки не подал, козёл толстый!

– И правильно сделал, – рассуждал Толя. – Ты себя на его место поставь. Нужен ты ему, думаешь? Понаберётся дочка от тебя блатной романтики.

– Какой ещё романтики? – взорвался Илья. – Мы тут пашем с утра до вечера! Ни одного замечания! За всё берёмся! Живём за зоной! Никаких воровских традиций не придерживаемся!

– А он, думаешь, всю нашу кухню знает? – повысил голос Рыжий. – Ты – вор. Или наркоман. Или чего ещё похуже! – Илюха хмыкнул. Толя продолжал: – На малолетку просто так с улицы не сажают. Надо здоровенный косяк запороть! А ты пришёл!.. В кроссовках своих оранжевых, в куртке на два размера больше... Лысый, мелкий, тощий, голова как яйцо, руки грязные. – Илюха невольно посмотрел на свои руки. – А для девочки этой ты как экзотический фрукт или как папуас с копьём, с которым на курорте фоткаются. Я повидал таких. Она наиграется и забудет, будет жить дальше. Вся жизнь у неё игра, всё как будто понарошку. Она жизнь видела только с

заднего сиденья папиного джипа. А ты зацikliшься, страдать будешь, разочаруешься и начнёшь гнать на весь белый свет, хотя виноват во всём сам, – Толик перевёл дыхание и опять заговорил: – Ты за собакой пришёл. Забрал – и всё. Баста! Ручкаться с тобой никто не обязан. Ты успокойся лучше и не бери в голову. Никто тебя таким, какой ты есть, кроме матери, не примет.

Наконец Илья отозвался:

– Меня и мать не примет. Я, считай, сирота. Алкоголичка она.

– Ну, отец у тебя нормальный? – то ли спросил, то ли заверил Толик.

– Отец у меня мировой, – Илюха кивнул.

– Вот и радуйся, – Толя похлопал Картошина по плечу. – У меня отца никогда не было. Мамка жила-пила то с одним, то с другим... – Толик потёр лоб. – Один сожитель, знаешь, здоровенный такой был, – вдруг поделился Рыжий. – Ручищи – палки. Напьётся и лупит меня, совсем малого ещё, всем, что под руку подвернётся. Я и мамке жаловался, и из дома убегал – всё без толку. Потом с Димасом познакомился, тоже безотцовщина, и пошло-поехало... Ладно. Чего уж теперь! Просто обида иногда накатывает. И злость на весь мир. А очкарик говорил про меня: мол, кошку об угол... Я и людей-то не очень... Всё. Пошли. Сейчас Стёпка со склада вернётся. Чайник поставить надо.

– Люда мне корма собачьего оставить хотела, а я психанул и убежал, – вспомнил Илюха.

– Прокормим своими силами, – отозвался Толик. – Не пропадёт псинка.

Рыжий вышел. Илья сел на кровати, посмотрел на свои большие мозолистые мужицкие руки, усмехнулся.

– И правда грязные, – пробормотал он, поднялся и пошёл в столовую, где уже шумел чайник.

* * *

Сдали их через неделю мужики с колонии-поселения. Они рассказали тыловику, что пацаны прикормили и прячут щенка, а тот донёс замполиту.

– Оленеводы! – распекал подопечных Ни-

колай Иванович. — На хрена вы его притащили сюда? Где вы его вообще откопали?

— Иваныч! — ныли пацаны. — Пусть живёт с нами щенок.

— Да на хрена он мне? — возмутился полковник.

— Мы за ним следить будем! Мы будку ему построим!

— И так бардак, а теперь ещё и говно по всей территории будет!

— Мы в пять утра вставать будем и убирать за ним!

— Нет вам веры, оленеводы! Сейчас вот доложу начальнику, пойдёте в зону обратно!

Замполит развернулся на каблуках и ушёл в штаб, оставив пацанов в растерянности.

— Чё теперь будет? — спросил Стёпа. — Влипли мы из-за тебя, Картоха. Если меня в зону загонят, я тебе никогда не прощу.

— Нужно мне твоё прощение! — буркнул Илья.

— Нормально всё будет, — пытался скрыть тревогу Толя. — Сейчас остынет дедушка, вернётся. Что, мы теперь должны утопить щенка? Куда мы его теперь денем? Помрёт.

— Вот именно! И на твоей, Картоха, совести будет! — не унимался Стёпа.

— Ты чего, очкастый, панику развёл! — огрызнулся перетрусивший Илюха. — Я больше от слов тыловики двигаться не стану. Стукач!

— Вот тогда ты точно обратно в отряд вернёшься коридоры мыть! — пригрозил Стёпа.

На крыльцо штаба вышли начальник колонии и замполит, закурили. Александр Иванович поманил пацанов к себе.

— Где щенок-то? — спросил он.

— Там, — указали куда-то в сторону пацаны.

— Ведите сюда.

Стёпа и Толик убежали за щенком.

— Зачем обманываете? — начальник посмотрел на Илью.

— Мы не обманывали, — оправдывался Картошин. — Мы бы сказали позже. Просто хотели, чтоб подрос, привык.

— Обманывали, — повторил начальник. — Что делать будем, Николай Иванович?

— Наказать! — отозвался замполит. — В зону всех троих.

— А работать кто будет? — покачал головой начальник.

— Других наберём, — развёл руками Николай Иванович.

— Легко ты своих работников продаёшь, — усмехнулся начальник. Замполит покраснел, но ничего не ответил.

Таща упирающегося щенка за поводок, прибежали запыхавшиеся пацаны.

— Ах ты, морда! — Александр Иванович схватил щенка за шею и потряс. — Большим не вырастет, не та порода. Как назвали-то?

— Чёрный, — Илюха тоже погладил оробевшего щенка. — Зато он умный.

— Чёрный — это плохо. Пусть будет Красный, — сказал начальник.

— Ну, если вы скажете, — замылся Толя.

— Да я шучу! — засмеялся начальник и поднялся. — Фу! Руки воняют. Помойте его, что ли.

— А его можно оставить? — робко спросил Стёпа.

— Ну не убивать же теперь! Николай Иванович, с разрешения администрации пацанам можно содержать животных, вот и пусть содержат, ухаживают. Постройте будку ему, только не на виду, а где-нибудь в незаметном месте. Будет сын полка, — распорядился начальник.

— Есть, Александр Иванович, — козырнул замполит.

— Да ладно тебе, Иваныч, — начальник посмотрел на Николая Ивановича. — Смени гнев на милость.

— Наиграются и бросят, — отозвался замполит.

— Бросите? — начальник посмотрел на пацанов.

— Нет! — грянули в ответ.

— Ладно. Забота о животном — дело хорошее, важное. Иногда, чтобы на душе спокойней было, необходимо о ком-то заботиться. Ответственность за чужую жизнь дисциплинирует, смягчает сердце. Верно же? — начальник испытующе уставился на пацанов.

— Верно, — кивнул Илюха.

— Не сомневайтесь, Александр Иванович, — заверил Толя.

— Слово пацана! — пошёл ещё дальше Стёпа.

— Идите отсюда, оленеводы! — прогнал их замполит. — Материал ищите, будку будете колотить. И без меня не ставить никуда, я сам

решу, где ваш пёс жить будет. И чтоб в центре я его не видел! Марш отсюда!

* * *

О поездке на работу к мэрии Илья завёл разговор сам. Он деликатно напомнил замполиту, что работа в посёлке осталась незавершённой.

— Некрасиво на полпути бросать начатое, Николай Иванович, — заискивающе поглядывая на полковника, уговаривал Картошин. — Забор недоделали, не покрасили. Надо уж закончить там и закрыть вопрос.

— Вот ты и поедешь закрывать вопрос, — решил замполит, — причём прямо сегодня — сейчас, пока у вас дел нет. Я пока переговорю с начальником, а ты собирайся. И возьми с собой Рыжего.

— Можно я лучше Стёпу возьму? — робко спросил Илья.

— Мне без разницы, — махнул рукой замполит. — А что, Анатолий плохо работает?

— Нет. Просто мне со Стёпой привычнее. Мы же в прошлый раз с ним работали.

Полковник кивнул и пошёл в штаб.

— Николай Иванович! — крикнул вслед Илья. Замполит обернулся. — Мне местные ребята обещали корм для собаки. Можно я заберу?

Полковник снова махнул рукой и пошёл дальше.

Когда они подъехали к зданию мэрии, машина Людмилы Александровны уже стояла на привычном месте. Замполит передал парней с рук на руки завхозу, наказал ей не давать оленеводам прохлаждаться и поставил задачу — сегодня закончить все недоделки.

— Ну, пойдёмте пить чай, — пригласила Людмила Александровна, когда полковник сел в машину.

— Нет уж, — отозвался Стёпа. — Пойдёмте получать инвентарь и работать, а то с нас так спросят, мало не покажется.

— Вот выполним работу, тогда и чаю попьём, — поддержал Илья.

— Как хотите, — пожала плечами завхоз и кивнула на выставленный у крыльца рабочий инструмент.

— Ты, Стёпа, начинай красить там, где мы уже починили, а я схожу покурю, доделаю забор и присоединюсь к тебе, — распределил фронт работ Картошин.

— Я тоже хочу сначала покурить!

— По очереди будем. Чтобы работа не стояла.

Стёпа поправил очки, закатал рукава и принялся за работу, а Илья отправился за дровяник. Он с надеждой прислушивался, не донесутся ли из-за сарайки голоса ребят, но там никого не оказалось. Илья присел на подвернувшуюся чурку, закурил и задумался.

«Вот мы приехали, а её нет, — размышлял он. — И как мне дать о себе знать? Откуда им знать, когда мы приедем? Две недели нас не было. Не будут же они тут целыми днями торчать с этой собакой. Кстати, где собака?»

Картошин закопал окурки, зашёл в дровяник и удостоверился, что собаки больше нет. Зато на том месте, где было её «гнездо», он нашёл конверт с запиской. Девчачьим почерком на тетрадном листе было написано, что собаку Люда с отцом отвезли в приют и она сожалеет, что им не удалось увидеться, но если Илье удастся ей позвонить (номер — на обороте листа), то отец привезёт её, чтобы передать оставшийся корм для щенка. «Тогда мы сможем ненадолго увидеться, ты покажешь мне, как вы живёте», — было написано в конце.

Картошин дважды перечитал письмо (а это было настоящее письмо, потому что было в конверте), на всякий случай выучил номер телефона и спрятал его в карман.

— Ты, наверно, пачку там скурил? — подозрительно посмотрел на Илью Стёпа, когда тот вернулся. — Бери кисточку и крась, починкой забора я сам займусь. И никаких больше перекуров. Работничек!

Илюха промолчал. Он взялся за кисть и приступил к работе. Письмо шуршало в кармане в такт движениям и напоминало о возможной... то есть неизбежной встрече.

Часа через три пацаны свернулись, навели порядок на территории и отправились на доклад к завхозу.

— Людмила Александровна, мы закончили, — отрапортовал Илья. — Принимайте работу.

— Успеется, — подняла глаза от какого-то журнала завхоз. — Садитесь к столу, стулья

пододвигайте. Будем чай пить, работники вы мои!

— Присядем, — по привычке поправил её Стёпа, покраснел и грохнулся на стул.

— Печенье будете? Есть огурцы, помидоры. Хлеб с колбасой. Я для вас успела кое-что собрать. Николай Иванович, конечно, неожиданно позвонил, благо дома было что на стол поставить.

— Мы будем всё! — заявил Картошин и сунул в рот печенку.

— Наверно, у вас не принято спрашивать, за что посадили? — поглядывая на жующих пацанов, поинтересовалась Людмила Александровна.

— Конечно, рассказывать об этом стыдно, — отозвался Илья. — Но ничего страшного мы не делали.

— Сейчас уже всё в прошлом, — прожевав, поддержал раскрасневшийся от горячего чая Стёпа. — Лично я больше никогда ничего незаконного в жизни не совершу. С меня хватит.

— И я тоже, — подтвердил Картошин. — Воспитатели очень доходчиво объясняют. Да и поблажки больше никто не даст, а на общем режиме всё совсем не так, как у нас. Там настоящая зона. А кто хочет на зоне сидеть?

— Я — нет, — покачал головой Стёпа.

— Вот, — согласно кивнул Илья.

— А с местными ребятами как у вас сложилось? — сменила тему завхоз.

— Чёткие пацаны, — показал кулак Стёпа. — Есть о чём поговорить. И вообще...

— А можно вопрос, Людмила Александровна? — вдруг решился Илья и задохнулся от подскочившего к горлу сердца.

— Конечно.

— Мне Люда, девчонка, которая... — запнулся Картошин, — ну вы поняли... Она мне телефон оставила... номер телефона то есть...

— Оп-па! — грохнул кружкой об стол Стёпа. — Это интересно!

— Подожди, — жестом остановила его Людмила Александровна. — Продолжай, Илья.

— Можно я позвоню с вашего телефона, скажу ей... Просто она обещала корм для щенка привезти. Мы же щенка на воспитание забрали. Она обещала, что привезёт. Я только скажу, что можно в любой день, что я её встречу.

— А вам разрешено это? — Людмила Александровна чуть насторожилась.

— Я ничего лишнего не буду говорить, — заверил Илюха. — А так нам разрешают звонить. Я же по делу.

— Ну, позвони, — Людмила Александровна протянула телефон.

— Вы наберите номер, пожалуйста. Я продиктую, — попросил Илья.

Картошин продиктовал номер. Стёпа всё время разговора с любопытством смотрел на Илюху, порывался что-то сказать, но сдерживался.

— Алло, — Люда сняла трубку.

— Люда, привет, это Илья, — Картошин покраснел до корней волос, отвернулся ото всех и затараторил: — Из воспитательной колонии. Мы ещё за дровяником встречались... потом мы щенка забрали, потом папа твой приезжал...

— Я узнала, — засмеялась девчонка. — Столько фактов вывалил сразу!

— Вот. Мне дали позвонить на одну минуту. Я что хотел сказать. Ты приезжай к нам, когда хочешь. То есть когда можешь. Я всегда там. Дорогу я показывал. Вы как приедете, ты сразу в центр иди... Там у любого спросишь, и меня позовут. — Илюха сделал паузу, перевёл дыхание: — Когда ты сможешь?

Повисло молчание. Люда задумалась. Капелька пота со лба упала Картошину на колени, он растёр её ладонью.

— Я точно не знаю, — отозвалась наконец девчонка. — Может быть, даже завтра. Или послезавтра. Мне папу надо спросить. Если он согласится, то завтра приедем. А в какое время можно?

— Лучше всего после двух часов. Тогда у нас есть свободное время.

— Хорошо. А как мне дать тебе знать?

— Никак. Я просто буду ждать.

— Хорошо. Тогда я постараюсь, чтобы завтра. Молодец, что позвонил! Значит, всё-таки нашёл записку. Я боялась, что ты не догадаешься. Мишка говорил, что не догадаешься, а я надеялась.

— Я догадался, — захотел было улыбнуться Илюха и вдруг понял, что улыбается в течение всего разговора. — Тогда до завтра, мне много нельзя говорить.

— До завтра.

Люда первой положила трубку. Картошин развернулся к столу и протянул телефон Людмиле Александровне.

– Спасибо, – выдохнул он.

– Тили-тесто, – ехидно улыбаясь, начал дразниться Стёпа.

– Степан, сейчас получишь подзатыльник у меня, – строго оборвала его завхоз. – Если заведешь, то завидуй молча.

Стёпа поправил очки и насупился.

– Ладно, – благодушно махнул рукой счастливый Картошин. – Пусть его! Каждый думает в меру своей испорченности. Тем более он только что рассказывал, что он исправился и перевоспитался.

– А это тут ни при чём! – заспорил Стёпа. – Ты тут любви крутишь, а мне молчать?

– Молчи. Тебя не касается, – укорил Илюха. – И никакие это не любви. Любви, это когда сидят и целуются где-нибудь в уголке.

– Вот как?! – засмеялась Людмила Александровна.

– К примеру, – стушевался Илья. – Чтоб отстал.

– Ладно, братцы-кролики, – объявила завхоз, – я звоню вашему начальнику, пусть вас забирает.

– Вы же ещё работу не проверили! – напомнил Картошин.

– Зачем? – пожалла плечами Людмила Александровна. – Я видела, как вы работали. К тому же вечного ничего нет. С возрастом вы это поймёте. Покрасили и покрасили. Всё равно через год забор полиняет и покосится. А за труды ваши спасибо.

– Пожалуйста! – хором отозвались пацаны.

– Ещё успеем по кружке чая выпить. Будете? – предложила Людмила Александровна.

– Конечно! – обрадовались пацаны.

* * *

На следующий день Картошин возился на грядках за реабилитационным центром, когда его позвал Толик.

– Слышь, Картофель! Иди, там твоя приехала. Стоит с батеи в беседке, ждёт женишка своего.

– Пошёл ты! – радостно крикнул Илья.

– Руки хоть помой! И костюм не забудь надеть. Галстук-то погладил?

– Пошёл ты! – снова крикнул Картошин и побежал мыть руки и переодеваться. Не идти же к Люде в грязной футболке!

– Здравствуйте! – подбежав к беседке, поздоровался он.

– Привет, – кивнул отец.

Люда протянула руку и крепко пожалла Илюхину. Ему захотелось поцеловать маленькую ладошку, но он прогнал эту мысль.

– Вот, – Люда указала на здоровенный мешок. – Это корм! Папа, мы ходим. Илья обещал мне показать, как он живёт.

– Десять минут у вас. Посмотри, как хулиганы живут. Ты, я надеюсь, не местный? – спросил он Картошина.

– Я с области, – пожал плечами Илья.

– Это хорошо, – Людин отец посмотрел на часы. – Осталось девять минут.

Люда схватила Илюху за руку, и они побежали к центру. Картошин провёл девочку по первому этажу. Они заглянули в кабинет к воспитателям и психологам, поздоровались с Николаем Ивановичем, подозрительно посмотревшим на Илюху.

Люда осмотрела чайную, поругала за грязную посуду в раковине, зато удивилась чистоте в спальном помещении. Взяла с тумбочки и долго рассматривала фотографию маленького Ильи с мамой и отцом.

– Вы с папой – одно лицо! – заявила она.

– Зато вы с твоим не очень-то похожи, – признался Илюха.

– Это потому, что я девочка, и потому, что папа толстый. А если на его детские фотографии посмотреть, то похожи, – всерьёз объяснила Люда. – Ого! У вас аквариум есть! Черепахи! И музыкальный центр с телевизором!

– Это помещение для воспитательной работы такое у нас, – не без гордости пояснил Илья. – Мы тут с учителями занимаемся и в свободное время фильмы смотрим.

Люда улыбнулась:

– Неплохо у вас тут.

– Получше, чем в зоне, – кивнул Илья. – Пойдём, я тебе Чёрного покажу. Он в будке за центром сидит. Мы его там поселили.

Илья провёл Люду через пожарный выход, чтобы её отец не видел, что они покинули здание.

— Ничего себе, вымахал! — поразилась Люда, глядя на длинноногого пса, который тёрся о её ноги и скулил. — Неужели помнит меня?

— Конечно, он помнит свою спасительницу! — сказал Картошин, наклонившись к щенку.

— Это ты его спаситель, — поправила Люда. — Сразу видно, что ухаживают за собакой.

— Мы его вычёсываем! И вообще... следим, обучаем по-всякому. Воспитываем. Чёрный, сидеть!

Пес даже не глядел в сторону Илюхи. Люда скормила ему заранее заготовленную печенючку, и они медленно пошли обратно.

— Вот так мы и живём. Скучать некогда. Всё время чем-нибудь заняты. Всё время работаем. И срок идёт быстро, — Картошин шёл рядом, боясь взглянуть на Люду.

— А долго тебе ещё? — спросила Люда.

— Нет. До августа. В сентябре хочу уже в школу пойти, — сказал Илья.

— А сколько ты тут?

— В августе будет полтора года. А дали два. Год и месяц в колонии был, потом сюда выбрался. Считаю, старожил, — признался Картошин.

— Остальные меньше тут находятся? — Люда вопросительно взглянула на него.

— Многие — меньше. Некоторые — больше. Но я уже тут прилично сижу... — на последнем слове запнулся и исправился: — Нахожусь.

Они помолчали.

— Мне кажется, отец тебе больше не разрешит приехать, — вздохнул Илья.

Люда не ответила.

— Он очень строгий у тебя, — будто выпытывал Картошин.

— Наоборот, — возразила девчонка. — Знаешь, какой он хороший! Самый лучший! Просто за меня переживает. Он же тебя не знает так, как я.

— Он и не хочет узнать, — с горечью заметил Илья.

— Это правда, — вздохнула Люда.

— Потому что я зэк! — махнул кулаком Илюха. — А с зэком нечего и дел иметь!

— Зачем ты так говоришь? — одёрнула Люда. — Для меня ты просто... друг.

— А для него зэк! Зэчара! — психанул Илья. — И нечего приличной девчонке с такими, как я, водиться! — у него как ком подкатил к горлу.

Картошин остановился на полпути к беседке, где ожидал Людин отец.

— Знаешь что? — вдруг решил Картошин. Люда вопросительно посмотрела на него. — Нечего тебе тут делать. Прощай. Больше нам видаться не стоит. Ты благополучная, а я — зэк. Вор и токсикоман. Папе — привет.

Картошин круто развернулся, потому что больше не мог говорить, и почти бегом рванул к центру. Люда, недоумевая, смотрела ему вслед, пока он не скрылся за реабилитационным центром. На её плечо легла рука отца.

— Попрощались? — спросил он.

— Убежал, — разочарованно пожала плечами Люда. — Чего он, папа?

— Просто он понял, милая моя, — провёл рукой по волосам отец.

— Что?

— Всё... Всё, что должен был понять.

Они пошли к машине.

— Пап, Илья неплохой. Не такой, как ты думаешь.

— Может быть, он неплохой, — согласился отец. — Но ты-то у меня самая лучшая, понимаешь? Тебе не неплохой нужен, а лучший.

— Скажешь тоже, — засмеялась Люда, садясь на заднее сиденье.

Илюха в это время сидел, прижавшись спиной к собачьей будке. Чёрный лежал рядом, положив голову на колени хозяина. Картошин размазывал слёзы по неумытому лицу и, не отрываясь, глядел на колючую проволоку синего забора колонии.

* * *

Илюха, маясь от жары, сидел на травке в тени за реабилитационным центром и покуривал сигарету. Щенок, заметно подросший за прошедшие три недели, лежал у его ног, выставив живот и вывалив наружу язык. Между затяжками Картошин теребил шерсть на пузе Чёрного.

Из-за угла вывернул Толик Рыжий и уселся с ним рядом.

— Дай сижку, — попросил он.

— Свои кури, — лениво отозвался Илюха и лёг на спину. — Весь июнь как на курорте солнце жарит!

— Слышь, дай сижку, — повторил Рыжий. — Горе у меня.

— Какое ещё горе? — отмахнулся Картошин.

— Кореша закрыли.

— Кого? — насторожился Илья. — Чего совершил?

— Начудил чего-то, — ответил Толик. — Не знаю что. Пацаны в ларьке отоваривались, сказали, что Толстого, Паху и Димаса с завтрака увели в дежурку, а потом закрыли на кичу⁹. Никто ничего не знает. Говорят, за запреты. Вроде как сначала всем дисциплинарный изолятор светит, а потом Димасу — перевод на строгие условия отбывания наказания, а Толстый и Паха вообще на общий режим поедут, им же обоим по восемнадцать...

Картошин медленно сел.

— Дашь сижку? — повторил просьбу Толя.

Илюха протянул пачку.

— Ты чего побледнел? — удивлённо поглядел на него Рыжий.

— Перегрелся, похоже, — сказал Илья.

— Так вроде в теньке сидим, — Толик крутил в пальцах сигарету.

— Я пойду полежу, пожалуй, — Картошин медленно поднялся. — За псиной присмотри. Взял моду за мусорной машиной в зону бегать. Накажут нас за это.

— Я не буду за твоей собакой сзади ходить, — Толик поджал губы. — Тебе больше всех надо было, ты и занимайся. Воспитывай.

Илья поднялся в комнату, присел на кровать. Мысли вихрем носились в его голове. Выходит, и опера, и зам по режиму Николай Сергеевич, и, конечно же, начальник всё узнали. Или знали с самого начала? Или кто-то стукнул? Но кто? Может, это была проверка, которую он не прошёл, и теперь вернётся в зону.

— Картошин! — гаркнул из своего кабинета замполит. — Иди сюда!

Илья поднялся с кровати и пошёл к замполиту.

— Иди к заму по оперативной работе и режиму, тебя вызывают.

— К Николаю Сергеевичу?

— А к кому ещё, оленевод?

— Понял, принял, — Картошин вышел из кабинета, вернулся в комнату и встал в полной растерянности. Он ещё никогда не был в кабинете у главного опера. Чувствуя себя обречённым, он переделся в черную зоновскую робу, проверил нагрудный знак, напялил зелёную кепку и начистил «чизовские» ботинки.

Как на расстрел, медленным шагом, заложив руки за спину, он пересёк плац, поднялся на второй этаж штаба и постучался в дверь Николая Сергеевича.

— Открыто!

— Осужденный Картошин Илья... — начал было рапортовать Илюха.

— Да ты успокойся! — усмехнулся главный опер. — Присаживайся на стульчик. Я смотрю, ты уже переделся. Правильно мыслишь. А я пока чайку заварю.

Картошин огляделся. Кабинет был совсем маленький и почти пустой. В центре стоял обычный письменный стол с компьютером, слева — сейф, справа — какой-то шкаф. И один стул напротив стола. На него Илюха и сел, робко поглядывая на Николая Сергеевича.

— Кепочкуними, — посоветовал он, наливая кипяток в красную кружку из чайника, стоявшего на подоконнике. — Неуютно тебе здесь, Картошин?

Илья кивнул. Он посмотрел на большую картину какого-то мужика из советского прошлого.

— А, — перехватил его взгляд заместитель начальника, — это Феликс. Знаешь такого?

— Нет.

— Везет тебе, — Николай Сергеевич уселся за стол. — Давай к делу, да?

— Давайте, — пожал плечами Илья.

— Знаешь, зачем я тебя вызвал?

— Знаю.

— Сам расскажешь или мне рассказать?

— А что рассказывать, если вы всё знаете? — виновато отвечал Илюха.

— А я с самого начала всё знал, — сказал зам. — Ещё когда ты в отряде сидел, я уже знал, что так будет.

В груди у Картохина ухнуло, говорил с волнением в голосе:

— Николай Сергеевич, они на меня такой

жути нагнали... Обещали, что ко мне приедут, со мной разберутся...

— И ты поверил? — Николай Сергеевич пристально смотрел Илюхе прямо в глаза.

— А что мне было делать? — почти прошептал Картошин.

— Ко мне идти.

— Испугался я, — Илюха опустил взгляд. — Думал, вы не поймёте. Предпримете меры... Мне бы тогда крышка была.

— Ты знаешь, что бывает за передачу запрещённого предмета в зону? За перевод денег?

— В строгие условия закроете?

— Правильно, — с нажимом говорил Николай Сергеевич, — перевод в строгие условия отбывания наказания. За решётку. В изоляцию. И прощай свобода, прощай условно-досрочное освобождение. Ты понимал, что ты на карту ставишь?

— Нет, — признался Илюха. Голос его дрожал, он прикусил губу, съёжился на стуле, как будто хотел занимать как можно меньше места в этом маленьком уютном кабинете.

Николай Сергеевич отпил из кружки, побарабанил пальцами по столу, встал, прошёлся вперёд-назад.

— Ну и что мне с тобой делать?

— Я не знаю, — чуть слышно ответил Илья.

— Да, Картошин, улетел бы ты у меня в зону обратно пёстрой пташечкой, если бы без ведома моего провернул хоть что-нибудь похожее... Эх! Ладно, — главный опер сел на место. — Всё это я подстроил. Давно пора прищемить хвост воровскому движению. Виновных наказывать так, чтобы остальные со страха обделались. Мы накажем, поверь.

Подполковник помолчал.

— А ты, Картошин, пиши ходатайство на условно-досрочное. Начальник отряда уже документы подготовил. Он тоже в курсе всего. Тебя мы втёмную использовали, зато домой на пару месяцев раньше уедешь.

Илюха, недоумевая, посмотрел на заместителя начальника, поднялся со стула:

— Я вас не понял, Николай Сергеевич. Вы шутите или нет?

— Какие шутки? — нахмурился заместитель начальника. — Говорю тебе: пиши на УДО. Ближайшим учебно-воспитательным советом

мы поддержим твоё ходатайство и направим документы в суд. Потом через пару недель — судебное заседание, десять дней ждёшь законной силы и пакуешь свои чемоданы.

— А за что, Николай Сергеевич?

— Ты свою задачу выполнил, сам того не зная, — понизив голос, говорил тот. — Вместо тебя уже другой человек в центр готовится выйти. Оснований держать тебя дальше нет.

Картошин разволновался:

— Но мне говорили!.. До сентября нельзя писать, суд не отпустит.

— Отпустит, поверь мне, — заверил Николай Сергеевич.

Картошин молча стоял и пялился на сотрудника.

— Всё, Картошин, иди отсюда. Ходатайство завтра отдашь отряднику. Знаешь, как пишется?

— Знаю, Николай Сергеевич.

— Вот иди и пиши, — подполковник встал, подошел к Илюхе и вытолкнул его за дверь. — И переоденься. Вырядился, как на расстрел.

Картошин постоял ещё немного у двери и пошёл обратно в реабилитационный центр.

* * *

— Вот такие, брат, дела, — Картошин — посмотрел в умные глаза щенка и потрепал его по голове. Последние несколько дней по вечерам Илюха приходил к будке Чёрного, кормил, а заодно делился событиями прошедшего. Картошину казалось, что таким образом у него самого всё лучше укладывается в голове. Он объяснял собаке, как пишется ходатайство на условно-досрочное освобождение, как проходит судебное заседание (со слов тех, кто уже освободился) и как высчитать дату освобождения. Чёрный внимательно слушал Картошина и, казалось, всё понимал.

Разговаривать с соседями Илья опасался. Толик, после того как узнал, что Картошин написал на УДО раньше, чем планировалось, сильно отдалился, почти перестал с ним разговаривать.

— За псиной своей сам смотри, — заявил Рыжий. — А лучше с собой забирай.

— И заберу! — сжимал кулаки Илюха. — Я уже с отцом договорился.

— Ври больше!

— Да куда ты его денешь!.. — подначивал Стёпа.

— Вот увидите! Недели не пройдёт, как я за ним приеду с батей на машине. Он с нами будет жить. Если надо, я в деревню к матери поеду, ему там хорошо будет.

— И тебе тоже, — язвил Толян. — С корешками своими лак нюхать будете да по дачам ползать.

После этого разговора Илья замкнулся и попросил замполита давать ему такие задания, где он мог бы работать один. Полковник согласился, и теперь Картошин с утра до вечера подметал территорию, полол грядки, мыл закреплённые за жителями реабилитационного центра объекты.

— Только поселить тебя отдельно я не могу, придётся потерпеть, — развёл руками Николай Иванович.

Суд состоялся. Представитель администрации колонии поддержал ходатайство Картошина, добавил, что воспитанник полностью отказался от нахождения в неформальных сообществах, поддерживающих криминальную субкультуру, твёрдо встал на путь исправления.

— У этого парня всё будет хорошо, назад он не вернётся, — начальник отряда бросил быстрый взгляд на Картошина.

— Я обещаю вести правопослушный образ жизни, — испуганно проблеял Илья.

— То есть вы за него ручаетесь? — судья держал многозначительную паузу.

— Само собой, — кивнул отрядник.

— Ну что ж, Илья... Раз администрация такого высокого мнения о вас, мы тоже вам поверим.

Что было дальше, Картошин не запомнил, в себя он пришёл только на улице перед реабилитационным центром. Начальник отряда и замполит чуть в стороне обсуждали судебное заседание.

— Меня освободили, что ли? — невпопад брякнул Илюха.

— Картоша, ты приди в себя, сходи умойся, — посоветовал отрядник. — Что-то ты неважно выглядишь. Нервишки слабоваты.

— Освободили?

— Освободят, когда законная сила наступит, а пока что просто прошёл, — Николай Иванович устало вздохнул. — Дети...

Картошин поднялся на второй этаж реабилитационного центра, налил в кружку чаю и уселся за стол.

— Прошёл? — присел напротив него Стёпа. — А я чайник для тебя кипячу целый час уже. Замполит сказал, чтоб горячий был к твоему приходу.

Илья кивнул.

— Держи краба, — очкарик протянул свою тонкую руку. Картошин поглядел на вставшие дыбом волоски на его предплечье и ответил на рукопожатие.

— Мурашки даже, — поёжился Стёпа. — Значит, скоро мы вдвоём останемся.

— У вас тоже свобода не за горами, — без тени сомнения сказал Илья.

— Грустно это, — признался Стёпа, — каждый раз. Провожаешь счастливых, а сам остаёшься зимовать.

В дверном проёме появился Толя. Он прислонился к дверному косяку, сложил руки на груди и уставился на Картошина:

— Когда проставляться будешь?

— А надо? — в глазах Ильи было сомнение.

Толик цыкнул сквозь зубы, развернулся и ушёл.

— Вот чего он? — Илюха посмотрел на Стёпу, ища поддержки.

— Да ему тоже тяжело, — поправил тот очки.

— Ты не грузись. Десять дней — и ты дома.

— Добавь ещё выходные! — поправил Картошин.

— Да фигня это всё, — махнул рукой Стёпа. — Мелочи.

Илья вздохнул и сделал маленький глоток из кружки.

* * *

Картошин вышел на автобусную остановку, поставил на асфальт дорожную сумку и передёрнул плечами. В гражданской «вольной» одежде было непривычно и неловко. Чёрные остроносые ботинки успели натереть

ногу, джинсы, казалось, слишком сильно облегают, а куртка из кожзаменителя мешковата, к тому же в ней было жарко.

«Странно, — думал Илюха, — когда покупал, нравилось, а сегодня надел и как-то всё не так». Он хотел было закурить, но посмотрел по сторонам и постеснялся. На остановке стояли две женщины-дачницы и пожилой мужчина, все подозрительно косились на него. Картошин подумал: они наверняка догадались по причёске и повадкам, что он только освобождён, — и совсем пал духом.

Дачники уехали. На следующем автобусе уехали какие-то две девчонки. Отца всё не было. Илья несколько раз звонил ему, но телефон был выключен.

Наверно, уже не приедет, решил Картошин. Надо садиться на маршрутку и добираться своим ходом. Может, машина сломалась, а телефон разрядился.

Илья сел в автобус.

— Сколько стоит проезд? — спросил он у кондуктора. Женщина закатила глаза, шевельнула губами, покачала головой и только потом назвала сумму. Илья рассчитался, поднял воротник куртки и до самого города смотрел в окно. По центру решил пройти пешком.

Город мало изменился за время его отсутствия, но всё равно казался незнакомым. Первое, что бросалось в глаза, — это огромное количество незнакомых людей, одетых в пёструю одежду. Кто-то — в спортивных штанах, кто-то — в брюках, кто-то — в шортах, а кто и в юбке. После зоны, в которой все были одеты в чёрное или синее, после маленького мира колонии, где все друг друга знают, черед незнакомых лиц кружила голову Илюхе. Он шёл не спеша, глазел по сторонам, ему казалось, что он вернулся с войны, казалось, что он обладает таким знанием, которое недоступно большинству проходящих мимо людей, ведь он заглянул за... За что — этого Картошин сформулировать не смог бы. А вместе с тем люди были равнодушно враждебны к нему. «Упаду тут, на тротуаре, никто и не подойдёт», — подумал Илюха и стал поглядывать под ноги, чтобы не споткнуться.

Домофон оказался сломан. Илья поднялся на третий этаж, позвонил в дверь раз, другой, приложил ухо — ни звука. Тогда он постучал в

дверь кулаком. Дверь напротив приоткрылась.

— Милицию вызову! — проскрипел кто-то из-за двери. — Алкоголики чёртовы!

— Сами вы! — огрызнулся Картошин. — Я к отцу приехал!

— Нету у Володьки сына.

— Как нету, когда есть! — возмутился Илья.

Дверь приоткрылась шире, из-за неё выглянула бабка.

— Верно что, — кивнула старушка, внимательно рассмотрев юношу. — Похож... и ростом, и лицом. Вылитый.

— Все так говорят, — покраснел от удовольствия Илья.

— Нет твоего папки. Запил он.

— Как запил? Я ему звонил два дня назад, — не поверил Картошин. — Не может быть!

— Вот так и запил, — старушка развела руками. — Второго дня как завёлся, так и гудел то один, то с друзьями своими алкоголиками. А вчера как ушёл, так и не было.

— И что мне делать? — Картошин растерянно посмотрел на бабку.

— А я знаю? Иди на лавочке у подъезда посиди, авось придёт когда.

— Его же уволят, наверно, — буркнул Илья.

— И правильно сделают! — рявкнула бабка. — Орала две ночи кряду! Алкоголики ненасытные, — прищурилась она. — А ты, небось, с тюрьмы вернулся? У меня глаз намётан. Гляди, участковый мой родственник, я тебя быстренько законопачу обратно, алкоголик, вон поллитровку в карман баула своего заначил, думал, я не вижу?

Илюха не нашёлся что ответить, и бабка победоносно хлопнула дверью.

Картошин спустился вниз, сел на скамейку у подъезда в тени какого-то дерева, бросил сумку между ног и бессмысленно уставился на торчащую из кармана бутылку газировки, которую он купил по дороге. Странно, отец ведь не пил, это мать бухала почём зря, а батя почти не прикладывался к спиртному, разве в праздники только, да и то малехо... Что же произошло?

Поискав в кармане телефон, Картошин набрал номер Люды.

— Алло. Привет.

— А это кто?

— Это Илья, — Картошин вздохнул и посмотрел вверх, чтобы узнать, видны ли отсюда окна отцовской квартирёшки, но потом вспомнил, что они выходят на другую сторону дома.

— Ой, — в трубке повисло молчание.

— Это мой номер, — Картошину стало неловко. — Понимаешь, я освободился.

— Так рано, ты же говорил до сентября.

— Так вышло. Я сам не ожидал.

Люда помолчала.

— В общем, я больше не зэк, — пытался поддержать разговор Илья.

— М-м-м, — неопределённо отозвалась девушка. — Чем ты теперь занимаешься?

— Сажу у дома на скамейке, ворон считаю.

Люда засмеялась. Илюха тоже улыбнулся.

— Просто отца дома нет. Он... на работе сегодня оказался. Вот жду, когда вернётся.

— И решил мне позвонить?

— А у меня больше никого нет, — ляпнул Картошин и испугался. — То есть я не местный, в этом смысле. И номеров других наизусть не знаю.

— А-а-а, — разочарованно протянула Люда.

Илья чертыхнулся про себя, спросил:

— Ты всё на даче зависаешь или в городе тоже бываешь?

— Я сейчас даже больше в городе, чем на даче, — тихо ответила Люда.

Илья боялся этого вопроса, но спросил:

— Думаешь, нормально, если мы погуляем когда-нибудь?

— Думаю, что это здорово, — Люда снова засмеялась, и на душе у Илюхи стало вдруг легко и весело. — Забыла главное — как теперь там твой питомец?

— Я решил его забрать. Я за ним на неделе съезжу. Сначала только подготовлю спальное место, миску, каши наварю.

Люда хмыкнула.

— А что? — доказывал своё Илья. — Я всё умею. И кашу варить, и пол мыть, и носки штопать, и кран починю, и...

— Завидный жених!

— Просто я мужчина, — заявил Илья и даже приосанился.

— Позвони мне, как заберёшь собаку, сходим погуляем.

— Хорошо. Ну, тогда пока, Люда.

— Пока, Илья. Звони, если что.

— Позвоню.

Илюха посмотрел на погасший экран телефона, сунул его в карман, закинул сумку на плечо и огляделся.

— А ведь лето, — негромко сказал он сам себе и прищурился на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь зелёную шелестящую листву. Бросив взгляд на чёрный прогал подъезда, на металлическую дверь со следами ржавчины, поправил сумку и зашагал по улице прочь.

* * *

Глубокой ночью Толик сел на кровати, прислушался к ровному дыханию Степана. Рыжий бесшумно оделся, прошёл мимо спящего инспектора, спустился на первый этаж и вылез через окно туалета на улицу. Спрыгнув, он подобрал заранее заготовленную верёвку и припустил бегом — времени было в обрез.

Из будки, услышав шаги, выскочил щенок, тьякнул, но, узнав Рыжего, приветственно закрутил хвостом.

— Иди сюда, — поманил его куском хлеба Толя.

Чёрный доверчиво подбежал к нему. Рыжий взял собаку за ошейник, сунул в пасть кусок хлеба и встал так, что пёс оказался у него между ног.

Чёрный завертелся, чтобы поймать взгляд ночного гостя. Не давая развернуться, Толя накинул ему на шею верёвку и изо всех сил потянул концы в разные стороны. Пёс рванулся, чуть не уронив Рыжего, но тот только сильнее напряг мускулы. Чёрный захрипел, разбрасывая белую пену по земле, забился, вытянулся в судороге и затих.

Толян отпустил верёвку, уставился на мёртвую собаку. Пнул. Прислушался. Огляделся по сторонам. Достал из кармана ещё один кусок хлеба и затолкал поглубже в открытую пасть с вывалившимся языком, потом пригладил взъерошенную шерсть, поднял и перенёс обмякшее тело в будку.

Торопясь, трясаясь не то от ночной прохлады, не то от возбуждения, Толя обошёл вокруг

конуры, распинал ключья пены, размазал её по траве и припустил обратно в реабилитационный центр.

Подбежав к ребику, Рыжий спрятал верёвку, подпрыгнул, подтянулся на руках и влез обратно в окно. Получилось легко и бесшумно, недаром он тренировался.

На цыпочках Толя прокрался мимо храпящего инспектора в комнату, разделся и лёг в кровать, отвернувшись к стене. Его трясло, зубы выбивали дробь, но он улыбался. Впервые за последнее время.

От автора

*Все герои и сюжетные ходы
в повести вымышленные.
Любые совпадения с реальными лицами —
чистая случайность.
Автор не понаслышке знаком
с работой исправительных учреждений,
однако описанные в произведении
взаимоотношения, установившиеся
как между сотрудниками и осуждёнными,
так и в кругу осуждённых,
не могут быть приняты за истинные.*

Примечания

- ¹ Пресечь (*жарг.*) — прилюдно ударить по лицу провинившегося перед пацанами воспитанника
- ² Скахуча (*жарг.*) — снисхождение, скидка.
- ³ В граждане — в гражданской одежде.
- ⁴ Положняк — выданное администрацией учреждения.
- ⁵ Фофан — типа фуфайки.
- ⁶ Чиза — все вещи, выданные в каптёрке учреждения.
- ⁷ Пачуля с сижками — пачка сигарет.
- ⁸ «Сижку дай!» — «Сигарету дай!»
- ⁹ Кича — место заключения, исправительно-трудовая колония.

Антон Алексеевич ШУШАРИН

родился в 1987 году в Холмогорском р-не Архангельской области.

Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.

Рассказы публиковались в журналах «Двина», «Нева», «Север», «Наш современник» и др.

Награждён литературной премией мэра Северодвинска, Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (2012);

обладатель Гран-при в области литературы V Международного фестиваля «Дар-2013» (Екатеринбург) и др.

Член Союза писателей России.

Живет в Архангельске.

